

Владимир Чеховских

Вся жизнь, как на ладони

Владимир Чеховских

ВСЯ ЖИЗНЬ,
КАК НА ЛАДОНИ

2020

ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч56

Чеховских Владимир

Ч56 Вся жизнь, как на ладони. Повесть, рассказы, стихотворения. – СПб.: «Петербург – XXI век», 2020. – 160 с., ил.

«Вся жизнь, как на ладони» – первая книга автора, известного читателям Колымы по его стихотворениям, входившим в поэтические сборники, изданные в Магадане.

Владимир Чеховских – профессиональный журналист, фотокорреспондент, член Союза журналистов СССР и России, многие годы жил и работал на Колыме, в посёлке Ягодное. В книгу вошли биографическая проза, рассказы, стихотворения, написанные в разные годы, а также фотоработы автора.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-88485-272-3

© В.Н. Чеховских, повесть, рассказы,
стихотворения, фотографии, 2020
© А.М. Портнов, оформление и верстка, 2020

«Над планетой лечу я...»

1984 год. Поздним январским вечером автобусом Магадан – Ягодное я прибыл к новому месту службы, в новый мир с заголовком «Колыма» и подзаголовком: газета «Северная правда». В которой, как и в областной «Магаданской правде», писали только правду, и ничего, кроме неё. Это, как вы понимаете, шутка. Тем не менее, правдивый человек в нашей редакции был. Но писал он только подписи под клише: фотокорреспондент Владимир Николаевич Чеховских, он же Чех, он же Высокий, он же Володя, он же Вовка. Кому как. А правдивым он был не потому, что не прогибался под марксистско-ленинскую пропаганду, а потому, что в этом не было необходимости: продукцией его была фотография. Что запечатлел его «Никон», то и получилось. А что не получилось – в корзину! И никакой идеологии.

Фотокоры – народ особый. Разбитной, балагуристый, свободолюбивый. И обидчивый. Раскритикуй его карточку, сутки не будет с тобой разговаривать. Чех, с которым мы познакомились в первый же день моей работы в редакции, вполне соответствовал представлению об этой породе журналиста. Друзьями мы не стали, но у нас сразу установились хорошие товарищеские отношения. Мы были ровесниками, людьми

одного поколения, и договаривались легко, вместе бывали в командировках, а со временем даже объединились в оппозиционную внутриредакционную группу, выступавшую против «политики» нашего редактора Анатолия Фёдоровича Суздальцева.

Всё это подробно описано в книге «Строкомер», которая вышла в 2014 году, и цитату из которой я приведу ниже. Внутри газетного коллектива всегда много конфликтов, и группового, и личного характера. Кому-то нравится редактор или приехавший из Ленинграда новый ответственный секретарь, а кому-то не нравится, кто-то кого-то обидел на летучке резким суждением или неосторожным словом, кто-то никуда не собирался, а его отправляют в командировку на дальний прииск... Чех был человеком, любившим справедливость. В этом он был принципиален. Поэтому с редактором, человеком не без лукавства, постоянно был на чеку. Их конфликты и словесные перепалки доходили до смешного, а иногда и почти до рукопашной.

Суздальцев на районном уровне был, кроме всего прочего, классиком: его стихи печатались в сборниках областного уровня. В Ягодном на базе газеты он организовал литературное объединение, ядром которого были журналисты, но приходили на его собрания и пишущие люди других профессий. Наш фотокор приходил тоже. Зачем – никто не знал. Обычно сидел, помалкивал, иногда высказывал своё мнение: нравится – не нравится. Но однажды, когда обсуждали стихи корреспондента промышленного отдела Валентины Литвиновой, он вдруг сказал целое предложение.

– А можно я тоже стишок прочту? – вопрошает в наступившей тишине наш фотохудожник.

– Стишок? – удивляется Анатолий Фёдорович.

– Ну да. А что?! Вы тут все профессионалы, стихи пишите. А я дилетант, у меня стихи.

– Вообще-то мы сегодня собрались Валентину Михайловну послушать. Вы, Валентина Михайловна, не возражаете, если Владимир Николаевич стишок... прочтет?

– Я не возражаю, Анатолий Фёдорович. Я даже пока отдохну немного, что-то я переволновалась.

Анатолий Фёдорович делает жест в сторону Владимира Николаевича, мол, давайте, дерзайте, товарищ поэт и гражданин. В лукавых глазах – усмешка мастера. Вовка, доставая из кармана листок, её скорее чувствует, чем видит, его толстые негроидные губы, созданные для сладких поцелуев, что-то бормочут. Наконец, расправляет листок на столе, поправляет очки и объявляет:

– Владимир Высокий, Советский Союз, республика Колыма.

– Поселок Ягодное, – добавляю я.

– А ты не сбивай, я и сам собоюсь. Называется «Над планетой лечу я...»

На этом цитату из «Строкомера» прерываю, потому что стихотворение это читатель найдет в книге, которую держит в руках, вместе с другими произведения автора: как в стихах, так и в прозе. И трудно сказать, что тут главное: правдивые и пронзительные строки повести об отце и семье Чеховских, смешные колымские и армейские байки, или его глубоко прочувствованная, иногда ироничная лирика. Чудо этой книги как раз в ее разнообразии, в некоем саморазоблачении автора, когда он, как ни крути, предстает перед нами человеком

суровым и закрытым (на фотографии) и одновременно веселым, жизнерадостным, с горячим сердцем и обнаженными нервами. Каким, наверное, и должен быть человек пишущий, распаивающий душу навстречу читателю.

Всё это в книге есть. Как есть и Володиные фотографии, его сугубо документальный отчёт о прожитых годах. Однако, нет, не сугубо. Одно дело – снимки семейные, строгие, и совсем другое – его художественная фотография, его глубоко личная Колыма со всеми её красотами, с неповторимым её очарованием.

Вот, наверное, и всё, что захотелось мне сказать в преддверии этой книги. «Вся жизнь, как на ладони». Именно так, точнее не скажешь!

Григорий Иоффе

*Фото Владимира Чеховских
Октябрь 1984 года, редакция
газеты «Северная правда»*

КОЛЬКА

ПОВЕСТЬ

*Эти строки посвящены моему отцу.
Начало тридцатых годов XX века,
Поволжье, страшная засуха,
неурожай, голод.*

АРЕСТ

Колька проснулся от чужих голосов. Отодвинув занавеску, увидел двух мужчин в военной форме, отца, стоявшего посреди комнаты, и плачущую мамку. Военный, похоже, старший, хриплым голосом кричал на отца, обзывая его врагом народа, которого ждёт суровая кара за преступление. «Собирайся», сказал старший военный: «Даю пять минут, и едем». Отец растерянно спросил, куда. Военный расхохотался и рывкнул: «На кудыкину гору, давай, живее!». Мамка суетливо забежала по дому, собирая вещи, всхлипывая и вытирая рукавом слёзы, катившиеся из глаз. Собрав котомку, уже не сдерживая рыданий, обхватила мужа. Колька в исподней рубашке выскочил из своего закутка и тоже обнял отца. Прижав сына к себе, отец погладил его по голове и сказал: «Береги мать». Второй военный, с винтовкой за спиной, оттолкнув Кольку от отца, сказал: «Хватит», и грязно выругался матом. В сопровождении военных отец вышел из дома, и больше Колька никогда его не видел. Печаль и тоска надолго заполнили душу мальчишки. Вспоминалась дымная деревенская кузница. Могучий отец с размаху бьёт молотом по раскалённому металлу, сверкающие искры сыплются во все стороны, картина

завораживающая. С разрешения отца, Колька, взяв молоток, несколько раз ударил по горячей заготовке. Помощник кузнеца, увидев это, заявил: «Иван, вот и смена подрастает, быть тебе Колька кузнецом!». Пророчество это почти сбылось, всю жизнь работа Николая была связана с обработкой металла.

СУСЛИК

Колька лежал в траве, затаив дыхание. В руке он держал верёвочку, на другом конце которой была петля. Солнце стояло в зените и немилосердно пекло, очень хотелось пить. Где-то недалеко в траве стрекотал кузнечик. По левой ноге, по щиколотке полз муравей, было щекотно, хотелось стряхнуть его, но Колька терпел. В животе под ложечкой мучительно сосало от голода, более суток во рту не было ни крошки. Вдруг верёвочка еле заметно дрогнула, Колька резко дернул её, вскочил на ноги, подбежал к норе. В петле трепыхался суслик. Юный охотник, достал из кармана парусиновых штанов перочинный ножик, освежевал добычу, развёл небольшой костерок, и запах жареного мяса заставил его глотать слюну, произвольно заполнившую рот. Насытившись, лёг на спину, в небе высоко-высоко летал жаворонок. Облачка, похожие на клоки ваты, неторопливо, гуськом проплывали куда-то на запад. Они почему-то обратились в гусей и стали кругами спускаться на землю. Колька незаметно для себя уснул. И снились ему младшие сестра и брат, живые и весёлые. Хотя он знал, что они умерли с голоду, и удивлялся, почему они бегают и весело хохочут, а мамка горько плачет.

ПОП

Кольку, как сына врага народа, выселили вместе с матерью из колхозного дома. И пошла мамка на поклон к попу, умоляя его пустить на постой. Тот сжалился и разрешил жить в маленькой комнатухе, с условием: готовить пищу, убирать в доме и кормить скотину. Сам поп был высокий и невероятно толстый, с пухлыми губами и узкими щёлками хитрых глаз. Дом у попа был громадный, пять комнат, большой подвал, скотный двор, где обитали куры, утки, овцы и корова. Кругом люди умирали с голода, а у попа пузо росло, как тесто на дрожжах. Однажды к попу пришла старушка, в руках её было лукошко с десятком куриных яиц. Упала на колени с просьбой отпеть умершего внука, но тот отверг её подношение и потребовал курицу. Религиозная старушка расплакалась и пошла за последней курицей, нельзя же похоронить ребёнка без обряда отпевания.

ПОДПАСОК

У попа было стадо овец, десятка два голов. Пас их пастух, старый, дряхлый мужичок. Он вечно жаловался, что тяжело ему справляться с овцами. И нанял поп Кольку подпаском, а в награду за эту работу обещал овцу в конце лета. Так началась новая жизнь. И раньше было нелегко в поповском доме, да и матери, как мог, по хозяйству помогал. Надо было нарубить дров, накормить скотину, нанести воды, почистить хлев. Эти и прочие заботы, лежащие на его мальчишечьих плечах, не остав-

ляли Кольке времени на отдых, а тем более на детские забавы. А теперь стало ещё тяжелее. Пастух целый день лежал под кустом, спал или дремал. А Колька от зари до зари бегал по степи. Стадо хоть и небольшое, но овцы всё норовили разбежаться в разные стороны. Приходилось прутом сгонять их в кучу. У Кольки уже был маленький опыт: в пятилетнем возрасте его брали в ночное. Табун лошадей, костёр, необъятная ночная степь, звёздное небо над головой, таинственные уханья совы оставили в его памяти незабываемые впечатления. Вкус краюхи хлеба, которой угостили его, голодного, запомнился надолго.

Обуви летней не было, и от ранней весны до поздней осени ходил Колька босиком. Кожа на подошве стала такая толстая, что бегать по стерне было совершенно не больно. Пастух смеялся и говорил: «У тебя, Колька, пятки как у верблюда, тебе и сапог не надо». Как-то незаметно и лето кончилось, по утрам заморозки серебрили траву, зябко было ногам, но Колька привык и не обращал на это внимания. В один из последних дней пастушьей службы случилась беда. Из неглубокого овражка выскочил степной волк. Схватил молодую овцу и, придушенную, поволок. Колька схватил палку и, крича, побежал вслед за волком, надеясь отбить у него добычу. Почти догнал грабителя, но волк, остановившись, злобно зарычал, оскалив свои страшные клыки. Колька громко кричал, махал своим оружием. Но волк, взвалив на спину овечку, спустился в овраг и пропал из виду. Пригнав овец домой, пастух рассказал хозяину о случившемся. Тот повздыхал, поохал, а когда пришла пора рассчитаться с Колькой за труд, заявил: «Обещанную за работу овцу волк

утащил, плохо ты стадо охранял». Так за всё лето работы Колька не получил ничего. Обидно было до слёз. И долго ещё жила в мальчишеской душе обида за эту несправедливость.

ОСЕНЬ

Осень была слякотная и длинная. Дожди, день за днём, шли, не переставая. Настроение соответствовало погоде – хуже некуда. Школу пришлось забросить. В деревне Кулешовка была только начальная школа, которую Колька, с хорошими отметками, окончил. В соседней деревне Зуевка имелась семилетка, до которой было пять километров. Но последние сапоги вконец развалились. Не ходить же босиком по лужам и грязи. Да и с одеждой было не лучше, точнее, совсем плохо. Парусиновые штаны хоть и были ещё крепкие, но вид у них был неважнецкий. Да и куртка на ладан дышала, вся в заплатках. Так и закончилось у Кольки школьное образование.

Погода с утра была мрачной и хмурой. Надев рваные галоши на босу ногу, Колька выходил во двор. С неба сыпал мелкий и нудный дождик, зябкий ветер пронизывал насквозь. Хочешь, не хочешь, а работать надо. Захватив в сенях лопату, отправился чистить хлев. Овцы заблеяли, в овчарне было сыро и относительно тепло, пахло навозом. Справившись с уборкой, взял коромысло с ведрами, пошёл к колодцу, который находился в трёхстах метрах от дома. Нужно наносить десятиведёрную бочку воды для скотины. Коромысло больно врезалось в плечи, ведра, полные воды, тянули вниз, ноги разъезжались по грязи. Но Колька продолжал

тяжкую работу водоноса и даже немного согрелся. Закончив носить воду, пошёл в коровник, подбросил сена в кормушку. В углу устало прилёг на ворохе сена отдохнуть. Корова, громко вздыхая, пережёвывала свою бесконечную жвачку. А Кольке вспоминалось, как с другом Павкой плескались жарким летним днём в речке Ветлянке. Было весело, солнце ярко светило, брызги разлетались во все стороны, и рукотворная радуга висела над ними, создавая неповторимую картину радости и счастья.

ЗИМА

В начале октября первые снежинки закружились в хороводе, предвещая наступающую зиму. В середине месяца зима окончательно вступила в свои права. Поля покрылись снежным одеялом. Речка Ветлянка, скованная льдом, прекратила свой весёлый бег. Лишь в глубине таилась неведомая жизнь, размытые очертания каких-то рыб медленно проплывали подо льдом. У Кольки прибавилось забот, нужно было ещё и очищать от снега двор. Друзья, пробегающие мимо, звали поиграть в снежки, но приходилось отказываться, ссылаясь на занятость. Хотя очень хотелось пообщаться с ребятами. Закончилась вода для скотины, и Колька, привязав верёвками бочку к санкам, потащил их к колодцу. Наполнив до краёв бочку, с трудом поволок её к дому. Не пройдя и половины пути, окончательно выдохся. Хорошо, что друзья, играющие на улице, помогли дотащить бочку до дома. А там опять нужно кормить и поить животину, убирать навоз и носить сено для коровы. Так в трудах и заботах очередной

день закончился. Зимой день короток, темнеет рано. Колька при свете мерцающей керосиновой лампы сел за стол читать «Робинзона Крузо». Удивительный мир приключений и невероятных событий будоражил Колькину голову, уносил мысленно в дальние, заморские страны, где нет снега и морозов, где загадочный тропический лес наполнен ароматом дивных южных цветов. Крики диких птиц, в радужном оперении, птиц разносятся по джунглям. Таинственное повествование жизни Робинзона увлекает, захватывает детский ум, хочется стать участником этих событий, но глаза начинают слипаться и Колька, отложив книгу, отправляется спать.

ВЕСНА

Весна пришла внезапно и стремительно. Только вчера снежные сугробы и не думали таять, а сегодня ручьи потоками весело бегут по улицам. Мальчишки, громко крича и споря, самозабвенно пускают свои кораблики из щепок по весенним потокам. Солнце ярко светит и ощутимо греет. Колька, закрыв глаза, подставил лицо солнцу, с наслаждением впитывая живительную энергию светила. Бездонное голубое небо распахнулось над ним во всю ширь. Хотелось взлететь как птица в эту небесную высь и обозреть всю необъятную землю, от края до края. Прошло десять дней, и зазеленела трава, своим изумрудным цветом украсив южные склоны косогоров. Почки деревьев раскрылись и выпустили робкие листочки, которые жадно тянулись к весеннему солнцу. Первоцветы-подснежники, ликуя

весне, разбежались по зелёным лужайкам, радуя детей и взрослых. Яблони, как невесты, нарядились в белоснежный наряд, благоухая ароматом нежных лепестков. Природа, после зимних холодов, обновилась. И Колькина личная жизнь тоже изменилась: мать вышла замуж за вдовца, и они переехали жить в его дом.

ПОЖАР

Церковь в Кулешовке была деревянная и очень высокая, метров тридцать. На религиозные праздники люди, под звон колоколов, шли к храму, молились, ставили свечки, освещали яйца и куличи. Где-то в раннем детстве Кольку поразило внутреннее убранство церкви. Алтарь, иконостас, запах ладана, сверкающая позолота, горящие свечи надолго остались в его памяти. Как-то летом, задрав голову, Колька смотрел на купол. Облака, быстро бегущие по небу, создавали иллюзию падающей церкви. О своём наблюдении сказал мальчишкам, а они, подняв панику, с криками «Церковь падает!» в страхе разбежались во все стороны. И вот однажды ночью деревня проснулась от звона пожарного колокола и криков людей. Народ выбежал на улицы, перед глазами стояла страшная картина. Церковь полыхала, громадные языки пламени возносились высоко в небо. Пожар жадно пожирал деревянный храм. Пожарник, на общественных началах, подъехал на лошади с бочкой, полной воды, но приступить к тушению не мог. Жар стоял такой, что в тридцати метрах от храма, терпеть его было невозможно. Глядя на пожар,

женщины плакали и молились. Мужики, вполголоса, говорили меж собой: «Бог наказал батюшку, за его грехи и жадность». За считанные минуты огонь завершил своё злодеяние. Храм начал рушиться, горящие бревна с грохотом падали, вздымая тучи искр. Маленькие колокола со звоном низвергались на землю. Главный колокол упал, издав звон, похожий на смертельный стон, низкий гул прошёлся по земле. Кулешовка осталась без церкви, а священник без прихода, и через месяц покинул деревню в неизвестном направлении. А его большой дом заняло колхозное управление.

ОТЪЕЗД

В начале лета в Кулешовку приехал вербовщик с Дальнего Востока. Жители деревни собрались на сход и заинтересованно слушали его речь. Он ярко живописал о зажиточной жизни, о богатой природе на берегах Амура, где есть работа, где нет голода. Мужики чесали затылки, говорили, что, мол, надо подумать, обмозговать это дело. Женщины, боясь перемен, осторожно пытались отговорить своих мужей от авантюры с переездом. Несколько дней вся деревня только и говорила об этом. Около двух десятков семей всё-таки осмелились и согласились на переезд в Хабаровск. Отчим с матерью тоже решили рискнуть и поехать за призрачным счастьем в дальние края. Вереница подвод, нагруженных домашним скарбом, растянулась на добрых полкилометра. Жители Кулешовки провожали переселенцев, кто с пожеланием удачи, кто с завистью, а кто и с осуждением смотрели им

вслед. Колька с грустью провожал прощальным взглядом окрестности, где он родился и прожил четырнадцать лет. Хотелось запомнить каждую тропинку, каждый пригорок родной деревни. Здесь он учился плавать в речке Ветлянке. Запускал высоко в небо самодельного змея. Азартно играл с друзьями в городки и лапту, в прятки и пятнашки, в казаков-разбойников. Ходил в школу, постигая азы наук, вначале букварь, потом арифметику, русский язык... Впереди новая жизнь, новые впечатления, и грустные мысли ушли. Рядом друг Пашка, который тоже едет на Дальний Восток.

От Кулешовки до Самары сто километров. За двое суток путешественники, с ночёвкой, преодолели этот путь без приключений. В Самаре, на железнодорожной станции, пересели в вагоны-теплушки. И паровоз, дымя и коптя чёрным дымом, повёз земляков на восток. Долгие двадцать дней длилось это путешествие. От Волги до Амура, через всю страну, через сибирскую тайгу, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Читу, и вот конечный пункт назначения Хабаровск. Колька с Пашкой с интересом наблюдали за проплывающими мимо них полустанками, деревнями и городами, картинами дикой природы. Сильно впечатлили их мрачные тоннели, пробитые сквозь громады гор. А когда поезд остановился на станции «Слюдянка» на берегу Байкала, то их эмоциям не было предела. Сразу вспомнилась песня:

Славное море – священный Байкал,
Славный корабль – омулёвая бочка.
Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко.

До горизонта простиралась необъятная ширь и мощь водного пространства. Вода поражала своей прозрачностью, каждый камешек был отчётливо виден на дне озера. Пассажиры поспешили с банками и бутылками к берегу, набирали чистойшую воду, пили её и хвалили за вкус. Местные жители торговали черемшой (дикий лук), пирожками, молоком, грибами, ягодами и омулем – нежной, местной рыбкой.

ХАБАРОВСК

Наконец, закончилось долгое путешествие. Переселенцев отправили обустраиваться в пригород Хабаровска, посёлок имени Горького. Там же – одноимённый военный завод. Получили участки земли и стали возводить дома. Успеть построиться надо было до начала зимы. И Колька с отчимом принялись сооружать свой дом. В ход пошли доски, горбыли и прочие отходы с лесопилки. За месяц соорудили домик с засыпными стенами и дощатой крышей, покрытой толью. Местный печник поставил печку, и предстоящая зима уже была не страшна. В начале сентября Колька с другом Пашкой пошли устраиваться на работу, на завод. В отделе кадров их попросили написать заявления о приёме на работу. Старый кадровик в круглых очках на носу и с пышными усами, как у Будённого, приняв заявления, сказал: «Приходите завтра, вы оформлены учениками слесаря в первый цех». Выдал бумажные пропуска. Счастливые друзья вышли из управления, радость переполняла их. Они стали настоящими рабочими. Какое же огорчение

испытал Колька, когда по привычке, босиком, пришёл на следующий день в цех. Мастер, взглянув на его босые ноги, строго сказал: «На заводе запрещено ходить босиком, приходи завтра в обуви». Делать нечего, и Колька, с досады, чуть не плача, отправился домой.

Военный завод был громаден, десятки цехов, наполненных сотнями разных станков, тысячи рабочих. Всё это ошеломяло деревенского паренька. Но было очень интересно. С большим воодушевлением он взялся за изучение слесарного дела. Учился пользоваться различными режущими и измерительными инструментами, читать и понимать чертежи, осваивать науку металловедения. Всё это было необходимо для освоения профессии слесаря-инструментальщика. Колька вникал во все тонкости, задавал мастеру разные вопросы, интересовался всем, что его волновало в учёбе. И через год его старания дали плоды. Он получил первый разряд слесаря по обработке металлических изделий. По сравнению с деревенской жизнью, с её тяжёлыми крестьянскими заботами, труд на заводе казался отдыхом. К тому же, по закону, до 16 лет полагалось работать лишь половину рабочего дня, да ещё и платили зарплату. Не жизнь, а рай.

К семнадцати годам Николай имел уже третий разряд. Начальник цеха, заметив трудолюбивого, смышлёного паренька, порекомендовал его на учёбу в двухгодичную школу мастеров, которая была при заводе (аналог современного техникума). Без отрыва от производства Николай успешно закончил учёбу и в 19 лет был назначен мастером цеха. В двадцать один год Николаю Ивановичу, в награду за отличный труд, дали бесплатную профсоюзную путевку

Ялта, 1939 год. Николай лежит в центре

в санаторий, в Ялту. И поехал наш герой в отпуск, в Крым. Первый раз в жизни увидел Чёрное море, гору Медведь (Аю-Даг), вершину Ай-Петри. Ласковое южное солнце, теплые морские волны – что ещё нужно для счастья? Знаменитый Ботанический сад, Ялтинская набережная, Дом-музей Чехова, Ласточкино гнездо, все эти красоты увидел Николай. Но быстро закончились 24 дня санаторного отдыха, и надо было возвращаться домой, в Хабаровск.

ВОЙНА

Воскресным солнечным летним днём 22 июня 1941 года Николай с весёлой компанией друзей поехали отдохнуть в центр города. Погуляли по набережной Амура, восторгаясь мощью широкой, полноводной реки. До Китая, оккупированного японцами, 15 километров. Но наших друзей это не

тревожило. В августе 1939 года Красная Армия разгромила на Халхин-Голе Квантунскую армию японцев. Песня из кинофильма «Трактористы» звучала по радио почти каждый день.

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят.

Все верили в непобедимость армии Советского Союза. В парке отдыха катались на различных каруселях и качелях, ели вкуснейшее мороженое пломбир. А вечером всей компанией пошли в цирк. Смотрели дрессированных медведей, хохотали до слёз над клоуном. Атмосфера в цирке была праздничная. И вдруг, во время выступления воздушных гимнастов, что-то изменилось. К офицерам, которых было немало, стали подходить посыльные, что-то им сообщали. Военные быстро покидали цирк. Напряжённая тревога повисла в воздухе. И тут шпехшталмейстер объявил о речи Молотова по радио, о том, что фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз. Выступления артистов прекратились. Зрители стали спешно расходиться. Женщины с заплаканными глазами тревожно переглядывались. Мужчины с напряжёнными лицами успокаивали попутчиц. Так в жизнь Николая ворвалась Великая Отечественная война.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой тёмною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идёт война народная,
Священная война!

ТРУДОВОЙ ФРОНТ

В понедельник утром на площади перед заводским управлением прошёл митинг. Секретарь парткома завода призывал всех сплотиться перед фашисткой угрозой. Ответить немецким захватчикам ударным трудом в тылу. Враг будет разбит, победа будет за нами! Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал главным в стране. Мужчины и молодёжь осаждали военкомат с требованием отправить их на фронт. Николай с друзьями тоже пошли записываться в добровольцы. Но из шести только двоим повезло. Остальным отказали. На заводе Николаю, как руководителю среднего звена, выдали бронь, которая освобождала его от воинской службы. И начались трудные, долгие годы военного времени. Завод работал круглосуточно. Двенадцатичасовой рабочий день, без выходных и отпусков. Скудное питание, хлеб по карточкам. Обед в заводской столовой, где давали по талонам суп из листьев дикого винограда и перловки.

Осенью 1942 года шли проливные дожди. Когда настала пора собирать урожай картофеля в домашнем огороде, воды там было полметра. Николай попытался спасти хоть что-нибудь, ходил по колено в грязи, выдёргивал кусты, но, увы, клубни сгнили. На зиму остались без картофеля.

На заводе изготавливали самолёты, оборудование для катеров и подводных лодок, боеприпасы — мины, снаряды и патроны. Всё это было необходимо фронту для борьбы с фашистской нечистью. Часто объявляли учебные тревоги, и приходилось среди ночи бежать на свой пост, прописанный правилами гражданской обороны, ведь недалеко от города стояли японские войска, оставалась опасность их вторжения на нашу территорию. Япония была союзницей Германии, поэтому приходилось держать на востоке страны части Красной Армии.

Сводки Совинформбюро в первые месяцы войны были неутешительные. Враг наступал, подвергая варварской бомбардировке города, сжигая дотла деревни. 28 июня 1941 года, на седьмой день войны, фашистские войска вошли в Минск. 22 июля начались бомбёжки Москвы. 19 сентября пал Киев. Настроение у всех было подавленное, но рабочие завода выдавали по два-три плана, выпуская так необходимую продукцию для фронта. Всех воодушевил военный парад на Красной площади в Москве 7 ноября. Враг был отброшен от столицы нашей Родины. Очень тревожно было во время героической обороны Сталинграда. Все с напряжением вслушивались в сводки Информбюро. По радио 2 февраля 1943 года объявили, что 330-тысячная фашистская армия окружена и разгромлена. Командование войск вермахта во главе с фельдмаршалом Паулюсом было взято в плен. Красная Армия от стен Сталинграда повела решительное наступление на запад. Переменилось настроение и в тылу. Хотя до Победы было ещё далеко, но в ней уже никто не сомневался.

Настя. 1942 год

Николай. 1943 год

5 августа 1943 года в Москве был дан первый артиллерийский салют войскам, освободившим Орёл и Белгород. Красная Армия, освобождая города и страны, сокрушая вражеские войска, неумолимо двигалась к фашистскому логову – Берлину. 9 мая 1945 г. в ознаменование победы над фашистской Германией в Москве был дан «особый» салют: 30 артиллерийских залпов из тысячи орудий. 1418 дней и ночей длилась Великая Отечественная война. 27 миллионов отдали свои жизни за свободу и независимость нашей родины. Когда диктор Левитан объявил по радио о победе над фашистской Германией, ликование не было предела. Люди обнимались, целовались, плакали, кричали урааа! ПО- БЕ-ДА!

МИРНАЯ ЖИЗНЬ

Летом 1945 года к Николаю пришла любовь, и звали её Анастасия. Однажды, на танцах, заметил он среди стайки смешливых подружек зеленогла-

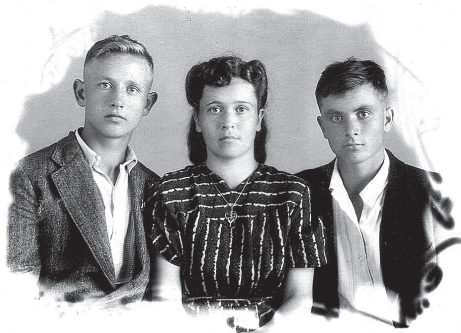

Николай и Настя. 1951 год

зую девушку. И она нет-нет бросала в его сторону заинтересованный взгляд. Друг детства Пашка пошёл на разведку, потанцевал с одной из подружек, расспросил её и доложил, что зеленоглазку зовут Настя, и что она, как он выразился, сохнет по Николаю. Наш герой набрался смелости и пригласил её на танец. В вихре вальса кружились они, не замечая никого вокруг себя, глядя друг другу в глаза. Сердце стучало в груди громким молотом, и Николай понял: вот она, его любовь.

После танцев долго гуляли по пустынным улицам. Болтали о разных пустяках и только на рассвете расстались. А осенью сыграли свадьбу, скромно, на дому. Друзья и подружки поздравляли молодоженов, пили самогон, кричали горько, танцевали под патефон, пели песни. Так началась у Николая семейная жизнь. От завода дали комнатуху в общежитии. Купили с рук одноместную кровать с панцирной сеткой, повесили на окно занавесочки. Николай из досок сколотил стол и тумбочку, соорудил вешалку, семейное гнёздышко готово. Настя

тоже работала на заводе, чертёжницей в конструкторском бюро. Утром, по заводскому гудку, просыпались и вместе шли на работу, он в цех, она в бюро. По воскресеньям ходили в кино, а вечерами обязательно на танцы. Любила Настя танцевать, да и Николаю нравилось это занятие.

Настя с братьями Владимиром и Виктором

Отец Насти Николай Иванович Спицын, Настя, мама Федосья Ивановна и брат Виктор

Время шло, и в новогодние праздники Настя во время застолья отказалась от спиртного. На вопрос, почему, прошептала на ухо Николаю: «Я жду ребёнка». Николай сначала опешил, а потом обрадовался. Расцеловал жену, схватил в охапку и закружил её по комнате. Прошли зима, весна, а в середине лета родился первенец, и назвали его Владимиром.

КОЛЫМА

Летом 1947 года молодая семейная пара с годовалым ребёнком завербовалась на три года на Колыму. В пятистах километрах северо-западнее от Мага-

дана есть районный центр с названием Ягодное. Вот туда и приехали наши герои жить и работать. Дикая природа, кругом лагеря с заключенными, неустроенность быта, всё это пугало Настю, но, как говорится, с милым рай и в шалаше. Николай приступил к работе начальником цеха на Ягоднинском ремонтно-механическом заводе. А Настя пошла работать продавцом в продуктовый магазин. Устроили сына в детский сад, в ясельную группу. От завода выделили комнату в бараке на улице Заводской. Завели пару курочек – свежие яйца для сына, пару кроликов и поросёнка. В погреб загрузили с десятков вилок свежей капусты.

Настоящим испытанием стала первая северная зима. Печное отопление не спасало. Помогает Настя пол, а он через пять минут покрывается ледяной коркой. Из зимней верхней одежды у Насти была только шинелька: пока добежишь от дома до работы, промерзнешь насквозь. Но наши новые колымчане не унывали, работали, любили и радовались жизни. А весной 1948 года родилась у них дочка, которую называли Галиной.

Вовка с Галкой. 1950 год

Ягодное. 1950 год

Посёлок Ягодное расположился по берегам ручья Ягодника, впадающего в реку Дебин, который, в свою очередь, является притоком Колымы. В центре парк – самое красивое место, островок нетронутой тайги. При входе – скульптурная композиция гипсовых львов. Около парка, на улице Центральной, двухэтажный деревянный Дом культуры с кинотеатром. Стадион с футбольным полем, У его входа по обеим сторонам возвышаются гипсовые фигуры в полтора человеческих роста: мощная девица в спортивном костюме с веслом в руке и такие же мускулистые футболисты.

Вход в парк

Посёлок не зря называли Ягодное. Сопки, окружающие его, усыпаны в конце лета всевозможными ягодами. Там и брусника, и голубика, морошка, малина, смородина, жимолость, шиповник. Редкая ягода княженика с неповторимым вкусом. Склоны сопки покрыты кедровым стлаником: мелкие, но орешки. А грибов столько, что хоть косой коси: горные маслята, боровики и белые грузди.

Климат здесь резко континентальный, летом бывает и до тридцати градусов, а зимой мороз под шестьдесят. Есть такая старая эковская частушка: «Колыма, Колыма, чудная планета, двенадцать месяцев зима, остальное лето». Ну, двенадцать – не двенадцать, а девять – точно.

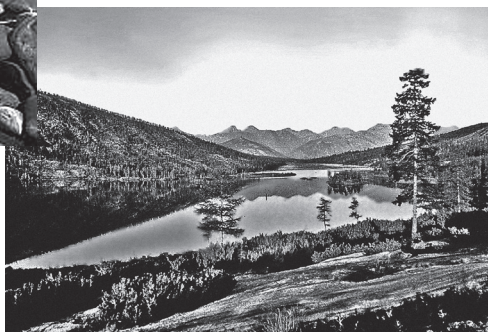
В пятидесяти километрах от Ягодного находится озеро Джека Лондона. Живописнейшее место, северная Швейцария. Цепь озёр с романтическими названиями: озеро Танцующих Хариусов, Чёрное, Неведомое, Серая Чайка, Баранье. Лучших мест

для рыбалки, охоты и отдыха на лоне природы не найдешь нигде. И для

Хариус

фотографа раздолье: великолепные ландшафты, живописные рассветы и закаты!

Озеро Танцующих Хариусов

Зимой, когда Цельсий показывает ниже пятидесяти градусов, густой морозный туман опускается на посёлок. Ветки деревьев и провода опушаются снежной бахромой. Кажется, что именно здесь находится царство Деда Мороза. Пушистый иней украшает поднятые воротники прохожих, бороды мужчин и ресницы женщин. Тихо, безветренно,

только столбы дыма из печных труб, да скрип шагов посреди полупустынных улиц. Но жизнь в Ягодном не замирает ни на день. Работают все предприятия, школьники в любой мороз бегут стайками в школу. В кинотеатре показывают фильмы, вечерами молодёжь ходит на танцы. На стадионе залит каток, с прокатом коньков. А летом на стадионе спортивная жизнь буквально бурлит. Футбольные баталии приисковых команд, волейбольные соревнования, никогда не пустующая городошная площадка.

Осенью природа щедро раскрашивает всеми цветами радуги сопки, окружающие посёлок. Вечнозелёные листья брусники и иголки кедрового стланика, багряные листья ольхи, ярко-жёлтые иголки лиственниц радуют глаз своим живописным убранством. Кедровый стланик дарит всем свои шишки с вкуснейшими орешками. В воскресенье, осенним солнечным днём Николай с Настей пошли за брусникой. Забрались на одну из вершин, с которой открылась величественная картина. До горизонта простирались уходящие в дымку сопки и долины с ручьями. Над головой раскинулся необъятный шатёр темно-синего неба. Красота неопишуемая. Воздух чистейший, пропитанный запахом трав и смолой кедрового стланика. Дышишь, не надышишься.

Речушки, озёра, звериные тропки,
Бездонного неба глазурная синь.
За сопками вновь начинаются сопки –
Кругом, куда взгляда не кинь.

Набрали по ведру спелой, алой брусники – запас витаминов на зиму. Можно варить варенье, кисель,

делать морс. А можно заморозить и держать в ящике в холодном сарае. Кончился дома морс – пришёл, насыпал в кастрюлю звенящих ягод, и на плиту.

Мама, Вова, Галя, отец. 1951 год

Но годы шли, закончился трёхлетний договор. Герои нашего повествования покидают ставшую близкой Колыму и возвращаются в Хабаровск. За два года жизни в Хабаровске семья пополнилась третьим ребенком, мальчика назвали Анатолием.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ХАБАРОВСКА В ОХОТСК

Романтика севера заразила наших героев. И потянуло их снова в холодные края. На этот раз завербовались в город Охотск. Из Хабаровска до Николаевска-на-Амуре доехали на поезде, а потом сели на большой корабль, который шёл из порта Находка в Магадан. Поскольку пароход был грузовой, то пассажирских кают не было. В одном из

трюмов были сооружены двухэтажные деревянные нары. Похоже, на этих нарах спали заключённые, когда их этапировали в колымские лагеря. В этом, так называемом, пассажирском трюме было десятка два семей, едущих на север. Бытовых удобств практически никаких. Единственная радость – в одном из помещений целый день показывали кино.

Едва вышли в море, как довольно ощутимая качка уложила большинство пассажиров на нары, морскую болезнь никто не отменял. Первая остановка, на два дня, была в морском порту Аян, который расположился в тихой бухте, защищённой от ветров сопками. Разгружали в порту какое-то оборудование и прочие грузы. Когда вновь вышли из бухты в открытое море, их встретил настоящий девятибалльный шторм. Ветер с неистовой силой срывал с вершушек громадных волн белую пену. Большой корабль швыряло среди грозной морской стихии, как маленькую лодку. Его то поднимало на гребень гигантской волны, то бросало в морскую пучину. Корабль скрипел и стонал от этой неистовой, бешеной пляски. Взрослые пассажиры в изнеможении бессильно лежали на нарах. А дети, на удивление всем, бегали по трюму, играли и веселились.

Но настоящее шоковое состояние пришлось испытать пассажирам, когда подошли к Охотску и встали на рейд, в километре от берега. Подошёл катер с металлической баржей на прицепе, встал у борта корабля. Осталось только загрузить пассажиров и их вещи на баржу – сверхсложная в такую погоду задача для команды корабля. Шторм немного утих, но баржу швыряло вниз и вверх с амплитудой в пять метров. Матросы приготовили подъёмный кран и верёвочную сеть с крупными

ячейками, похожую на громадную авоську. В эту импровизированную авоську погрузили вещи, а на них — человек пять перепуганных до жути пассажиров. Кран поднял эту нереальную конструкцию над палубой корабля, стрела развернулась, и над бушующим морем повисли в сетке люди. Женщины от страха визжали, мужчины, с бледными от стресса лицами, вцепились мёртвой хваткой в верёвки. Но этот смертельный, незапланированный аттракцион ещё не закончился. Машинисту крана нужно было ювелирно точно опустить на пляшущую баржу сетку с людьми. Минут пять продолжалась эта борьба с морской стихией. И вот, наконец, улучив момент, крановщик с грохотом опустил пассажиров на палубу баржи.

Наблюдающая за этим действием взволнованная Настя наотрез отказалась садиться в сетку. Как ни уговаривал Николай жену, как ни упрашивал, ставя в пример героизм предшественников, как ни убеждал, что договор подписан, квартира ждёт, корабль идёт в Магадан — всё понапрасну. Ещё раз пять крановщик проделал операцию с погрузкой людей, и катер на тросе потащил баржу к Охотску. На корабле остались ещё человек десять, ехавшие в Охотск, в том числе и семья Николая. Через два часа пришел последний катер с деревянной баржей, кунгасом. Погрузились все пассажиры, оставались только наши герои. Чуть ли не всей командой корабля все-таки уговорили Настю. Уложили в сеть чемоданы, вещи, и водрузились всей семьёй в авоську. Матрос скомандовал: «Вира помалу», трос натянулся, и вдруг сын Вовка закричал от боли. Оказывается, при подъёме, его ногу придавило чемоданами. Команда «стоп», опустили, освободили ногу и снова вверх. Повисли над

бушующим морем, внизу прыгает по волнам кунгас, сетка качается, Настя кричит от страха. Эту сцену и со стороны наблюдать страшно, а быть её участником ещё страшнее. Грохнулись на дно кунгаса без тяжёлых последствий, если не считать многочисленных синяков и раскрывшегося чемодана.

Катер повёз их на канате к устью реки Кухтуй, чтобы зайти в реку. Высадиться на берегу моря было невозможно, шторм и бушующие трёхметровые волны таили в себе верную гибель. Но испытания ещё не закончились, волны стали захлёстывать борта кунгаса, и на дне уже плескалась вода, сантиметров двадцать, там уже в беспорядке плавали вещи. Пассажиры пытались вычерпывать воду банками, но это мало помогало, она прибывала и была уже по колено. Женщины, прижав к себе испуганных детей, плакали. И тут, на новую беду, оборвался канат между катером и баржей. Минут десять, казавшихся бесконечными, матросы пытались подсоединить канат. Кунгас болтало между взбесившихся волн, катер подходил, матросы кидали верёвку, и наконец, с третьей попытки, получилось. Подошли к устью реки, где, как в громадном кипящем котле, морские волны, встретившись с речным течением, и устроили такой сумасшедший водоворот, что бушующее море казалось теперь детской шалостью. Злой рок снова настиг наших путешественников, канат опять оборвался, тут и у бывалых моряков душа ушла в пятки, что уж говорить о пассажирах. С большим трудом, после неоднократных попыток, матросы всё-таки справились с этой бедой, спасли и себя, и наших героев.

Катер вошёл в реку, затащив следом за собой полузатопленный кунгас. Речная вода за бортом

текла спокойно, и вдруг в метре от баржи вынырнула, фыркая, усатая морда нерпы, её круглые, выпуклые глаза с удивлением смотрели на новых гостей. Вещи, плавающие на дне баржи, конечно, были испорчены, но путешественники были счастливы уже оттого, что остались живы. Катер подвёл кунгас с пассажирами к речному пирсу. Выгрузились на берег, и Николай отправился за транспортом. Настя с детьми осталась ждать мужа, и каково же было её удивление, когда через полчаса подъехала телега с лошадью, на которой с вожжами в руках важно восседал Николай, при этом заливчато управляя своим гужевым транспортом. Деревенская школа жизни пригодилась. Погрузили мокрые пожитки, усадили на телегу детей и поехали к новому жилищу. Через десять минут добрались до дома, который оказался длинным баракom, но с отдельными входами в каждую квартиру. Дом стоял в ста метрах от берега моря, которое ещё накатывало на прибрежную полосу трехметровые волны затихающего шторма. Зашли в квартиру,

Вид Охотска из космоса

сначала сени, потом кухня, а из неё вход в большую комнату. На кухне печь, неказистый стол из досок и две старые табуретки, вот и вся мебель. Растопили печку, чтобы высушить вещи, которые ещё можно было спасти, да и самим просушиться и согреться.

За полмесяца обустроились. Побелили стены, купили кровати, круглый обеденный стол, стулья, шкаф. Теперь жить можно.

ОХОТСК

(Историческая справка)

Город Охотск расположен на северном побережье Охотского моря. Это один из древнейших населённых пунктов Дальнего Востока. Ещё в 1674 году здесь было основано казачье зимовье. В начале XVIII века был построен порт, который стал главной базой Сибирской военной флотилии, охранявшей побережье и острова этой части Тихого океана. В 1783 году Охотску был присвоен статус города.

Первые русские землепроходцы появились на побережье Охотского (тогда Ламского) моря к началу 1640-х годов. В 1647 году отряд казака С.А. Шелковникова заложил ясачное зимовье-острог. Он и стал основой Охотска. По указу Петра I в 1716 году установлено постоянное морское сообщение с Камчаткой, на верфях начато строительство морских судов. Охотск становится отправным пунктом для всех экспедиций, проводивших исследования на северо-востоке и открывших с запада Северную Америку. С 1731 по 1849 год Охотск – главный порт России на Тихом океане, здесь положено начало Тихоокеанскому флоту. Связан с име-

нами Беринга, Чирикова, Биллингса, Шелехова и многих других выдающихся мореплавателей-исследователей.

Климат Охотска — субарктический, но смягчается Тихим океаном, благодаря чему зима теплее, чем на аналогичных широтах в Сибири, но лето значительно холоднее. Город расположен в зоне вечной мерзлоты. Среднегодовая температура в городе -4.4°C . Август является самым тёплым месяцем. Температура в августе в среднем 13.3°C . Январь является самым холодным месяцем, с температурами в среднем -21.8°C .

Весь местный быт и занятия определяет ход рыбы. Зимой — подлёдная рыбалка на корюшку и навагу, весной заготовка на берегу сельди и уйка, летом и осенью — добыча в реках красной рыбы. Даже выращивание огородных культур не обходится без рыбы. Почва здесь каменистая, но камни вперемешку с тухлой рыбой и потрохами дают неплохой урожай. Лёд в море у Охотска начинает образовываться в ноябре, но его постоянно отгоняют в открытое море господствующие северные ветры. В результате чего почти всю зиму вдоль побережья бывает полоска чистой воды. Зато весной ветер с моря может нагнать к берегу дрейфующие льды и заблокировать побережье для движения маломерных судов. Те же южные ветры в первую половину лета изрядно портят охотский климат, но к августу пригоняют к побережью относительно тёплые слои воды. Удивительно, но вода здесь прогревается лучше, чем на расположенном намного южнее охотоморском побережье Сахалина, и в августе даже бывает короткий купальный сезон с температурой воды до $+16$.

ЖИЗНЬ В ОХОТСКЕ

Охотск, куда прибыли герои нашего повествования, стоит на узкой галечной косе: с одной стороны Охотское море, с другой река Кухтуй. Коса, постепенно расширяясь на восток, упирается в горный хребет, называемый в народе северным Кавказом. На его вершине стоит радиолокационная станция, радар-система для обнаружения воздушных, морских и наземных объектов. У подножия бетонные доты, построенные в тридцатых годах, для защиты от японского вторжения во время Второй мировой войны. На морском берегу расположились с десяток рыболовецких станов, принадлежащих артелям, которые добывают в путину рыбу. В основном ловят кету, горбушу, сельдь и отвозят улов на рыбоперерабатывающий завод, который находится ближе к устью реки.

4-й класс Охотской средней школы. Вовка третий справа в последнем ряду. В центре – учительница Евдокия Трофимовна Ровная

В пяти минутах ходьбы от дома, в котором обосновались наши новосёлы, судоремонтный завод, на котором Николай возглавил механический цех. Настя около года оставалась с детьми. Потом старший Вовка пошёл в школу, младших устроили в детсад, и пошла Настя работать продавцом в ближайший продуктовый магазин.

А ещё через год родилась младшая дочка Татьяна. В том же году умерла мама Насти, мать-героиня, родившая 10 детей. Анастасия, самая старшая, поехала на похороны и вернулась с младшей сестрой Галиной, которая прожила в новой семье около десяти лет.

От завода Николай получил только что построенный дом с приусадебным участком под огород и с сараем для скотины. Шумно отпраздновали новоселье в просторном, новом жилище. Завели поросят, кур, в собачьей будке, на радость детям, поселился лохматый, рыжий, жизнерадостный Барбос. Однажды, когда пёс решил прогуляться по посёлку, с ним случилась беда. Среди бела дня, воя и скуля от боли, он вбежал во двор, оставляя на земле капли крови, за ним с пистолетом в руке, милиционер, заявивший, что идёт отстрел бездомных собак и надо дострелить собаку. Барбос спрятался в свою будку, ища защиту у хозяев. И защитник нашёлся: Вовка встал между будкой и милиционером, не давая стрелять в любимца. Милиционер ругался, грозился, Николай призывал его к благоразумию, но тут выскочила во двор Настя со скалкой в руке, и конфликт быстро разрешился в пользу Барбоса. Пёс долголизывал рану, но на радость детям выжил и до конца своей короткой собачьей жизни честно служил хозяевам.

Во дворе на заготовке дров

В огороде вскопали грядки, на которых выращивали лук, укроп, редис и репу. Посадили картофель, и поскольку почва была бедная, сплошная галька, то по совету соседей, в каждую

лунку клали селёдку, вместо удобрения. Урожай собрали отменный. Осенью бочками засаливали кету, отдельно балык, брюшко и головы. Квасили капусту. Собирали бруснику, голубику, жимолость и грибы за рекой. Икры было столько, что ею кормили кур, от этой пищи яичные желтки были ярко-красного цвета. Мелкие креветки тоже шли в корм домашней птице.

Этнические корейцы, которых было немало в Охотске, жили своими кланами. Занимались в основном рыбной ловлей, К удивлению русских жителей, после шторма они собирали выброшенную волнами на берег морскую капусту и солили её целыми бочками. Тогда это было в диковинку, а сейчас в магазинах мы покупаем морскую капусту в баночках, и за немалые деньги. Корейцы, в основном дети, шокируя русских, живьём поедали мидий, которых можно было в изрядном количестве найти на берегу моря. Теперь же мидии считаются деликатесом, мы узнали их вкус и покупаем в магазинах за приличную сумму.

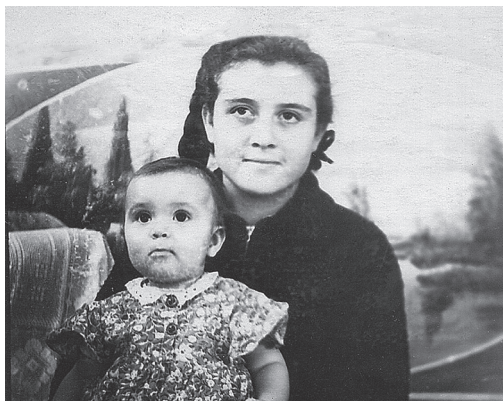
А когда приходила на нерест мойва, мелкая полупрозрачная рыбка из семейства корюшковых (мест-

ные жители называют её уёк), люди устремлялись на берег, ловили её сачками, ведрами и руками. Вода кипит от обилия этой рыбки. Мойвы хватает не только людям, но и птицам, и морским животным — чайки, вороны, тюлени и нерпы в большом количестве собираются на побережье за трапезой. Собаки и кошки тоже прибегают полакомиться свежей рыбкой. Охотчане предпочитают уёк вялить, но он и жареный хорош, а уха вообще объедение.

Селёдку ловили прямо с берега: забрасывали в море сеть и вытаскивали полный невод. В сеть попадали и крабы, маленьких раздавали детям, бегавшим рядом. Однажды Вовка принёс домой двух крабиков и попросил мать сварить их. Николай, не оценив улов сына, пошёл на берег и принёс двух громадных живых крабищ. Опустил на пол, и они, как чудища из фантастических фильмов, громко стуча клеш-

нями, грозно ходили по комнате, пугая своим видом детей. Николай ещё раз сходил к морю, принёс два ведра морской воды, залил в бак, стоящий на печке. По неписаным законам, крабов надо варить в морской воде. Пока вода грелась, дети играли с обитателями морских глубин, подсовывали палочки, которые крабы мгновенно перекусывали своими

Младшая сестра Нasti Галина с племянницей Таней

мощными клешнями, словно кусачками. Вот вода вскипела, и крабы отправились в бак с кипятком, детям было их жалко, но суровая правда жизни неумолима. Зато через пять минут какой деликатес получили они! Нежное крабовое мясо, пальчики облизнешь.

После рождения младшей дочки Татьяны Настя устроилась на работу в военкомат делопроизводителем. Благо, за дочкой было кому присматривать. Младшая сестра Анастасии пятнадцатилетняя Галина взяла уход за племянницей на себя. До военкомата было довольно-таки далеко, но Настя не унывала, за двадцать минут доходила до работы. Правда, зимой в метель, когда на пути вырастали метровые сугробы, на дорогу уходило минут по сорок. В один из штормовых дней, в декабре, волны в Охотском море достигли пятиметровой высоты. Эти громадные водяные валы перекатывались через низкую косу, мимо домов в реку Кухтуй, и

пройти на работу и в школу было невозможно. На три дня, пока не закончился шторм, жители этого района были отрезаны от центра города. В истории Охотска бывало и похуже: шторма три раза смывали с косы дома и постройки жителей.

Родные Анастасии жили под Благовещенском, в колхозе с красивым названием Чигири. Жили очень бедно, и Настя, как старшая сестра, помогала им, как могла. Конечно, ей хотелось, чтобы младшие братья и сёстры были поближе. Так как Охотск считался пограничным городом, без вызова приехать сюда было нельзя. Настя сделала вызовы трём своим братьям и трём сёстрам, с их семьями, помогла благоустроиться, поспособствовала найти работу. Неделями они жили в её доме, пока не получали своё жильё. На праздники собирались всей роднёй в доме Николая, стол ломился от кушаний, приготовленных коллективно, пели песни. Николай виртуозно играл на гитаре, а Владимир, брат Насти, на мандолине. Пели «Амурские волны», «На сопках Маньчжурии», песни военных лет. Голосистые были, хоть на сцене выступай. Настя любила стряпать, печь пироги, особенно ей удавался торт наполеон. На досуге вышивала крестиком и гладью. Да и домашних дел было превеликое множество. Приготовить пищу, постирать, погладить, накормить кур, свинью и кроликов, помыть детей. И всё в её руках спорилось: напевая вполголоса любимые песни, делала домашнюю работу быстро и весело: и полы помоем, и печку натопит. Холодильников не было, стиральных машин тоже, утюг, и тот раскалёнными углями разогревался. И от государственной службы никто не освобождал. Но жили дружно и весело, даже ходили на танцы и в кино по воскресеньям.

Сёстры. Первый ряд: Анастасия, Любовь, Мария. Второй ряд: Галина, Евгения

ПОХОД ЗА ЯГОДОЙ

Однажды ранним утром, в выходной, собрались за жимолостью. Настя со своими сёстрами и братом, Николай и 12-летний Вовка. Переплыли на самоходной барже реку Кухтуй, и от посёлка Булгин на открытом грузовике, проехав 12 километров, добрались до аэропорта. День был пасмурный, самолёты не летали; начался мелкий холодный дождь. Компания из семи человек, с пустыми вёдрами, зашла в мокрый неприветливый лес. С каждого куста и дерева, как дотронешься, обрушивался холодный душ. Чтобы не потеряться, старались друг от друга далеко не отходить. Побродив около часа по лесу, не набрав и литра жимолости, решили вернуться к аэропорту. Направились, как всем казалось, в нужном направлении. Долго шли, а лес становился всё глуше и гуще, дождь не переставал. Прошло часа

два и наши путешественники поняли, что заблудились. У Вовки был игрушечный компас, но по нему практически невозможно было определить стороны света. Ещё часа три бродили по мрачному лесу и вдруг вышли на просеку, по которой шла линия электропередачи. Стали решать, куда идти, налево или направо, мнения разделились. Настя настаивала – идём направо, а её брат Владимир – в другую сторону. Большинство поддержало Настю, и группа уставших, измученных и мокрых бедолаг отправилась вдоль линии электропередачи. Под ногами чавкал пропитанный водой толстый слой мха, идти по которому было истинное мучение. Начали сгущаться сумерки, и часа через четыре, глубокой ночью, впереди послышался лай собак. Появились огни какого-то поселения. Вышли на окраину, оказалось, что это посёлок Булгин.

Так вот и закончился экстремальный поход за жимолостью. Наши горемыки, несолоно хлебавши, прошагали по тайге километров тридцать. Остаток собранной ягоды съели ещё в лесу. Спасибо местным жителям, накормили и пустили переночевать. Настю с Вовкой положили на кровать, а остальные попадали на пол и, как мёртвые, проспали до утра. На следующий день, в понедельник, только к обеду добрались до Охотска.

ГЕРОЙ НА НЕДЕЛЮ

В середине августа 1960 года стояла необычно тёплая, безоблачная, солнечная погода. На море стоял полный штиль, лишь едва заметный бриз приносил на берег лёгкое дыхание моря с запахом

водорослей, оставляя на губах солоноватый привкус.

Обрадованные этому редкому подарку погоды, жители Охотска потянулись на берег моря. Неизбавленные теплом и солнцем охотчане с превеликим удовольствием загорали и окунали свои бледные тела в относительно теплые воды Охотского моря. Компания из пяти подростков тоже присоединилась к пляжному отдыху. Вовка с сестрой Галкой также пошли загорать с друзьями. Так как плавать практически никто не умел, плескались недалеко от берега, где глубина была по пояс.

Но тут Петька Храбрых притащил несколько больших кусков пенопласта. Эти плавсредства очень понравились ребятам. Брали в руки и плавали вдоль берега наперегонки. Нинке Фёдоровой наскучило плавать вдоль берега, и она решила сделать заплыв подальше, где было глубоко. Остальные с хохотом и криком продолжали плескаться и резвиться в воде. Вдруг Петька закричал не своим голосом: «Нинка тонет!» И правда, в десяти метрах от берега, рядом с куском пенопласта, из воды, как поплавок, торчала пятая точка пловчихи. Изредка над водой показывались руки тонущей, она пыталась поймать пенопласт, который выскользнул из рук. Вовка, старший из этой компании, бросился на помощь утопающей. Пять метров от берега прошёл по дну, а дальше глубина выше головы. При помощи пенопласта доплыл до Нинки, одной рукой схватил за купальник и пытался потащить её к берегу, усиленно работал ногами, но, увы, двигался слишком медленно. Тогда, набрав побольше воздуха, отпустил пенопласт и погрёб свободной рукой, погружившись с головой под воду, таща уже неподвиж-

ное тело. Ноги почувствовали дно, и уже на остатке кислорода в лёгких вынес Нинку на мелководье. С жадностью хватая ртом воздух, при помощи подоспевших на подмогу друзей вытащил беднягу на берег. Перегнув через колено вниз животом, выдавил из её лёгких воду, положил на спину и движением её рук в стороны и к груди стал делать искусственное дыхание. И, о чудо, она задышала.

Отец, Таня, Галя, Анатолий

В районной газете «Охотско-эвенская правда» была опубликована заметка о героическом поступке Владимира, спасшего тонущую девочку.

Вовка целую неделю гордо ходил с титулом «Герой», а потом всё вошло в привычную колею, и героический нимб над его головой незаметно рассеялся.

И СНОВА В ХАБАРОВСК

Когда директор судоремонтного завода ушёл на пенсию, Николай Иванович около года исполнял обязанности директора. За этот период под его руководством возвели новый механический цех, модернизировали электроцех, обновили техническое оборудование завода. За производственные

успехи Николай был награждён медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда», а ранее, в лихие военные годы, – медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Стал заслуженным рационализатором СССР. День за днём, месяц за месяцем, год за годом прошли десять лет жизни в Охотске.

Старший сын Вовка тяжело перенёс воспаление лёгких и врачи настоятельно посоветовали ему сменить климат. На семейном совете долго думали, перебирали варианты и единогласно решили ехать в Хабаровск. Там жили два брата Николая, есть где остановиться на первое время. Тогда уже из Охотска в Хабаровск летали самолёты Ил-14, с посадкой в Николаевске-на-Амуре. Попрощались с Охотском, с морем, и 22 июня 1962 года улетели в Хабаровск.

На окраине поселка имени Горького купили частный дом. Глава семейства устроился на завод, где он начинал свою трудовую деятельность; туда же поступил учеником токаря Вовка. Но не прошло и полугода, как сын опять тяжело заболел, на несколько месяцев его положили в больницу.

В 1963 году всё лето шли проливные дожди. Местная речка разлилась и затопила всю округу, подступила к самому дому, весь огород оказался под водой, урожай, естественно, погиб. Вовка в очередной раз лежал в боль-

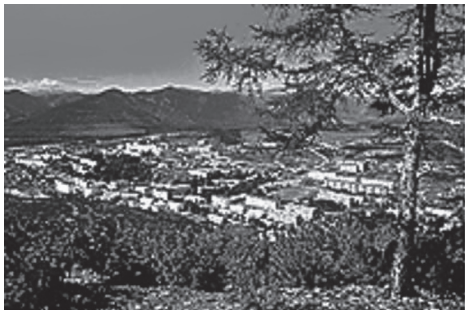

Я и брат Анатолий

нице, изнывая от скуки и бездействия. Процедуры и уколы надоели ему до чёртиков. Но тоска мгновенно пропала, когда приехавшие навестить его в больницу родители сказали, что семья уезжает. «Куда?» – спросил Вовка, ответ его ошарашил: на Колыму. Всё возвращается на круги своя, точнее, жизнь идёт по кругу. Быстро продали дом, мотоцикл, мебель и отправились в путь, опять на север.

КОЛЫМА

Полёт на самолёте Хабаровск – Николаевск-на-Амуре – Охотск и конечная посадка в аэропорту города Сусуман, и дальше на автобусе: сто километров по Колымской трассе, и путешественников встречает Ягодное. Вот так наши герои снова оказались на Колыме. За годы, прошедшие после их отъезда, посёлок заметно преобразился и похорошел. Был построен Дом культуры, лучший на то время в Магаданской области. Великолепное

Ягодное. 1995 год

фойе с буфетом, где устраивали танцы для молодежи по выходным. Большой концертный зал, он же и конотейтр, где выступали на сцене приезжие артисты и местная самодеятельность. На втором этаже – шикарная библиотека и помещения для детских кружков. Изостудия, танцевальный кружок, народный хор, театральная студия, шахмат-

ный клуб – культурная жизнь в районном центре кипела.

Дом культуры в Ягодном

Николай Иванович устроился в ЦИЛ (Центральную измерительную лабораторию) при Ягоднинском ремонтном механическом заводе. Вовка, туда же, на завод, пошёл работать токарем. Ана-

стасия Николаевна возглавила отдел кадров ЖКХ (жилищно- коммунального хозяйства) посёлка. От завода дали двухкомнатную квартиру. Жизнь наладилась. По сложившейся традиции, почти все родственники перебрались вслед за ними на Колыму. Всё-таки и климат, и условия жизни здесь были получше. Да и веселее, когда все рядом, помочь в беде, разделить радость. Сначала выдали замуж младшую сестру Анастасии Галину, потом дочь Галку. После службы в армии женился Вовка. Потом женился Анатолий. Младшая дочь Татьяна, закончив школу, поступила в техникум в Благовещенске.

Со временем, оставшись вдвоём, Николай Иванович и Анастасия Николаевна решили покинуть Колыму и купили кооперативную квартиру в Хабаровске. Разбросала судьба наших героев по странам, городам и весям. Старший сын Владимира Василий живёт в Алма-Ате, младший Николай – в Ягодном. Младший сын Татьяны Роман учится в Германии, дочь Ирина живёт в Магадане. Там же дочь Галины Евгения. Владимир, Галина и Татьяна обосновались в Твери. Анатолий всей своей семьёй перебрался на Кубань.

Семейный клан. И ещё не все на этом снимке. 1985 год

Внук Вовки, полный его тёзка Владимир Николаевич Чеховских – гордость деда. Активный спортсмен, трёхкратный чемпион Магаданской области по боксу в своей весовой категории, чемпион Дальневосточного округа, чемпион Крыма и многократный победитель районных турниров

Дед и внуки

ЭПИЛОГ

Николай Иванович прожил трудную, но очень интересную жизнь. Голодное детство в Поволжье, юность в Хабаровске, тяжёлые военные годы. Ответственная работа мастером, начальником цеха, директором завода отложили свой отпечаток на характер Николая. Трудолюбие, тяга к знаниям, честность – жизненное кредо нашего героя. Четверо детей, семь внуков и девять правнуков, вот настоящее богатство и наследство Николая. Он оставил яркий след на земле и добрую память о себе.

КОЛЫМСКИЕ БАЙКИ

Поход

В 1964 году в Ягодном был создан туристический клуб, и расположился он в стареньком здании на стадионе. Сейчас там стоит современный Дворец спорта, где есть большой зал для соревнований по волейболу, баскетболу, для борьбы, тенниса и бокса. Есть помещение для занятий тяжёлой атлетикой и фитнесом. Есть сауна и небольшой бассейн.

Группа энтузиастов, любителей походов на природу, привела в порядок комнатку в получердачном помещении, покрасили стены, притащили старые стулья и стол. Штаб туризма был готов, и в нём раз в неделю, а то и чаще, собиралась молодёжь, чтобы обсудить свои планы на будущее.

В том году в конце августа стояла прекрасная солнечная погода, температура воздуха доходила до 25 градусов. На очередной встрече решили в выходные пойти в поход за реку Дебин, к каменным столбам, что в пятнадцати километрах от Ягодного. Нас было человек 12, взяли пару четырёхместных палаток, рюкзаки, еду и отправились в поход. Весь август было сухо, ни одного дождя, и Дебин обмелел.

На перекате, сняв обувь, перешли на другой берег, воды было по щиколотку. Настроение у всех было отличное, природа радовала глаз буйством красок. Ультрамарин безоблачного неба, разноцветье трав и кустарников и чистейший воздух, наполненный смесью ароматов иван-чая, кедрового стланика и спелой морошки. Бодро шагая по распадку между сопок, к вечеру благополучно достигли заветной цели. Перед нами встали, как гигантские исполины, каменные изваяния в виде нереальных чудовищ, похожих на страшных динозавров доисторической эпохи. Но нам они были не страшны, пофотографировались на их фоне, разбили палатки, развели костёр, знатно поужинали и залегли спать.

Утром проснулись и, выбравшись из палаток, поразились увиденному ландшафту. Всё вокруг было покрыто снежным одеялом в десять сантиметров. Снегопад продолжался, причём, такой интенсивный, что в десяти метрах не было видно ни зги. Решили возвращаться назад. Кое-как всухомятку поели, собрали палатки, закинули рюкзаки на плечи и отправились в путь. Но густой туман и снегопад не позволяли точно ориентироваться на местности. Чтобы не заблудиться, решили спускаться по распадку в направлении Дебина. Шли, скользя по снегу, падая и поднимаясь вновь. И тут колымская природа решила показать свой суровый нрав с новой силой, поднялся ураганный ветер и полил дождь вперемешку со снегом. Промокшие насквозь, задубевшие от холода, мы шли сквозь круговерть ненастья. Прошло часов пять нашего экстремального марафона, а конца пути всё не было видно. Долго двигались между сопками, по нашим прикидкам, должны были уже дойти до Дебина, но, увы,

наша надежда таяла, как снег на наших головах. Мы продолжали героически двигаться к заветной цели, и вот, наконец, за наше упорство были вознаграждены, вышли на берег реки. Но радость наша была преждевременна: река, которая вчера была по колено, превратилась в мощный, бурлящий поток. До противоположного берега было метров двадцать. Решили штурмовать водную преграду. Из рюкзака достали длинную верёвку, обвязали для страховки, самого тяжёлого из нас, и он, преодолевая бурное течение, пошёл вперёд. Но посреди реки течение сбilo смельчака, и мы втроём кое-как вытащили его на берег. Наглотавшись воды, он заявил, что переправиться здесь невозможно, да мы уже и сами это прекрасно понимали.

Стало темнеть, дождь со снегом продолжали низвергаться с небес, и мы решили заночевать. С великим трудом развели костёр, обложили его крупным сушняком, валявшимся на берегу. Притащили брёвна и просидели на них всю ночь у костра, поворачиваясь к огню разными частями тела, пытаясь согреться. К утру разъяснилось, небо очистилось и солнце, как ни в чём ни бывало, возшло на небосвод. Оглядевшись, мы поняли, что, заплутавшись в тумане, спустились к Дебину по другому распадку. А он нас вывел на десять километров выше по течению от места нашей первой переправы. Посоветовавшись, решили идти вдоль берега вниз по течению реки. Правый берег был обрывист, и километров пять пришлось двигаться по этому тяжёлому маршруту. С каждой ветки сыпались на нас комья снега, под ногами скользкий мох. Уставшие, замёрзшие и мокрые, с трудом передвигая ноги, шли наперекор всему.

Где-то посередине пути увидели на противоположном берегу лётное поле местного аэродрома и решили переправляться здесь. Тем более, что в домике, который там стоял, был телефон. Дебин ещё бурлил потоками воды, нашли перекат и, держась за верёвку, по пояс в воде, с большим трудом форсировали преграду.

А в Ягодном уже били тревогу родственники пропавших туристов, которые должны были вернуться ещё в воскресенье. Мы позвонили в милицию, и нам прислали автобус, на котором мы прибыли домой после обеда.

Так закончилось наше приключение. Ещё раз подтвердившее, что с колымской погодой шутки плохи.

Дорога к облакам

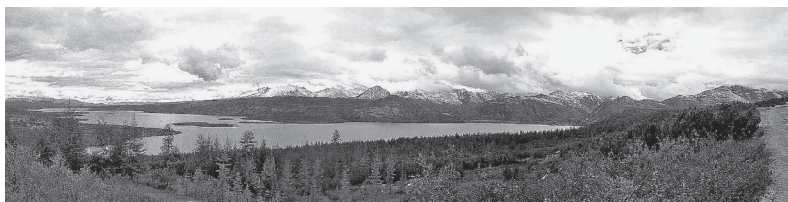
Летом 1965 года областной спорткомитет решил провести соревнования по туризму в Ягоднинском районе. 15 районных команд со всей области собрались на озере Джека Лондона. Наша команда, под руководством Петра Зигмундовича Деманта, в количестве десяти человек, тоже приняла участие в этих соревнованиях. Всех туристов, прибывших из других районов, доставили автотранспортом к месту соревнований, кроме нашей группы. Мы же, по совету Деманта, пошли пешком, так как за это начислялись дополнительные баллы в зачёт соревнований.

Расстояние от Ягодного до озера около 56 километров. И вот мы, в полдень, загрузившись тяжёлыми рюкзаками, двинулись в нелёгкий путь. Погода стояла солнечная, и мы, бодро шагая,

к вечеру преодолели добрую половину дороги. Когда начало смеркаться, решили заночевать, тем более, рядом оказалась полуразрушенная землянка.

Внутри были деревянные широкие нары и железная буржуйка. Растопили печку, вскипятили чай, сварили супчик из концентратов, поужинали и завалились рядами спать на импровизированную постель. Ночь прошла без происшествий, и рано утром, попив чайку и немного закусив, двинулись дальше. Дорога в конце пути стала подниматься вверх, и когда мы забрались на седловину, нам открылась великолепная панорама озера Джека Лондона, обрамлённого голубоватыми сопками, уходящая до горизонта темно-синяя гладь воды, островок посреди озера, белые облака и вдали высшая точка Магаданской области пик Абориген, как страж этой неземной красоты. Спустились к озеру, где расположился палаточный лагерь туристов, и разбили свой бивак.

Перезнакомились с коллегами по туризму. На следующий день начались соревнования: ориентирование по компасу на местности, установка на скорость палатки, разведение костра и конкурс – кто быстрее вскипятит чайник. Позагорали на песчаном пляже и даже окунулись в озеро, верхний слой воды относительно теплый, градусов 15, но на глубине более метра всего плюс пять. На второй день соревнований судьи предложили командам двухдневные походы на выбор: покорение Аборигена или маршрут вокруг озера. Мы выбрали самый сложный: взятие высшей точки Магаданской области пика Абориген.

На острове, который расположен посреди озера, находится стационарная метеостанция, где работали и жили круглогодично метеорологи, муж с женой, и у них была в наличии моторная лодка. По нашей просьбе начальник метеостанции в два приёма перевёз нашу команду через озеро к устью ручья Неведомый. По долине этого ручья можно пройти до Аборигена – всего лишь 18 километров. Наш вожак и по совместительству проводник Пётр Демант, проверив нашу амуницию, проинструктировал, как себя вести в пути, и повёл нас на штурм пика. Путь всё время шёл в гору, шагать было тяжело, за плечами пудовые рюкзаки, под ногами мягкий мох, толщиной в двадцать сантиметров. Мы медленно передвигались, еле волоча ноги, а нам в укор пятидесятилетний Демант, с берданкой в руках и тридцатикилограммовым рюкзаком за спиной, как молодой олень, быстро шагал зигзагами впереди. Выбываясь из сил, трижды делали десятиминутные привалы, и только к вечеру добрались до места стоянки. Возле громадного валуна, размером

с дом, поставили палатки, развели костёр, поужинали и уже в сумерках легли спать.

Утро встретило нас великолепной погодой, ясным небом, ярким солнцем и прохладной свежестью, всё-таки 2000 метров над уровнем моря. Решили, не откладывая надолго, покорять Абориген, ведь погода на Колыме в любой момент может измениться. Пётр Демант, неоднократно покорявший эту вершину, повёл нас по известному ему маршруту на штурм. Зашли в так называемый цирк, окружённый с трёх сторон острыми пиками отвесных скал, именуемых пилой. Это мрачное место, никогда не знавшее лучей солнца, действовало на нас угнетающе, хотелось поскорее покинуть его. И мы, собравшись с духом, по узкой расщелине, карабкаясь и цепляясь за камни всеми конечностями, медленно, но

Я в центре на вершине пика Абориген

настойчиво двигались к своей цели. Часа три, с небольшими перерывами на отдых, длился тяжёлый подъём на вершину. И вот долгожданная победа, уставшие, но бесконечно счастливые, мы стоим на пике и вдохновенно кричим во всё горло УРААААА!

Перед нашими взорами открылась бесподобная, фантастически красивая панорама. Уходящие до горизонта, в голубой

дымке сопки, озёра, ручьи, и блестящее на солнце, окаймлённое зелёными берегами, синее блюдце озера Джека Лондона. Насладившись в полной мере окружающей нас красотой, пофотографировались на память и приступили к спуску, оказавшемуся намного труднее подъёма. Приходилось для координации движения часто использовать пятую точку. Осторожно, чтобы не вызвать камнепада, начали медленно спускаться вниз. Посреди спуска лежал спрессованный прошлогодний снег, размером десять на семьдесят метров. Чтобы не шагать по валунам, я решил попробовать идти по этой снежной поляне. Склон был крутой, ноги по снегу скользили, и я, стоя, набирая скорость, на зависть попутчикам, как заправский лыжник, быстро спускался по опасному откосу. Но скорость нарастала, тормозить было нечем, и я в конце этого аттракциона присел, но это не помогло. В результате, проскочив последние метры по снегу, ещё метров пять тормозил своим сидением по камням. Наблюдавшие с тревогой это зрелище облегчённо вздохнули, увидев благополучное завершение авантюрного спуска. Всё благополучно разрешилось без травм, если не считать нескольких синяков на мягком месте, но их никому не видно.

Спустившись всей командой к палаткам, пообедали, немного отдохнули и пошли исследовать окружающую местность. А посмотреть было что. Рядом два озера, Фестивальное, напоминающее своей формой лампочку, и круглое озеро Баранье. Кстати, два раза видели на склонах сопки горных баранов, и удивлялись, как они умудряются прыгать по отвесным скалам? Сходили на водопад, завораживающее зрелище, вода каскадами

низвергается вниз, разбиваясь о камни на миллионы мельчайших капель, рождая сверкающую на солнце всеми цветами радугу. Насладившись красотами дикой природы, уставшие, но довольные, поужинали и легли спать. Утром, посоветовавшись, решили возвращаться на базу другим путём. За Бараньим озером перешли перевал и спустились в долину ручья Студёный. Быстро шагаем вниз, и в низовье ручья видим голубой островок размером десять на пятьдесят метров. Подходим ближе, и, о чудо, весь островок покрыт густым голубичником. И голубой цвет придаёт ему усыпавшая всю поверхность островка крупная, как гроздья винограда, спелая голубика. Мы невольно опустились на колени и, поедая горстями вкуснейшую ягоду, проползли эту голубичную поляну, с начала до конца. Насытившись дикой ягодой, с фиолетовыми губами и ладонями, двинулись дальше.

Часов в пять, гордые своим подвигом, добрались до основного лагеря. Остальные туристы с завистью смотрели на покорителей Аборигена. В итоге, наша районная команда туристов заняла, по праву, первое место, и члены нашей команды были награждены соответствующими почётными грамотами.

Трагикомедия на озере

В июле 1985 года на озере Джека Лондона проводились традиционные соревнования, посвящённые Дню рыбака. Редакция газеты «Северная правда» тоже приняла участие в этом мероприятии. Редактор Ростовцев на летучке, как всегда, долго и нудно обсуждал сам с собой вопросы, связанные с поездкой. Оживление в зале вызвал лишь один вопрос:

брать водку или не брать. Я, из принципа, высказался категорически против, объясняя свою позицию тем, что алкоголь провоцирует низменные чувства людей и толкает их на преступления. И вообще: ЦК КПСС объявил борьбу с пьянством и алкоголизмом, а вы, Анатолий Фёдорович, являясь членом бюро райкома партии, потворствуете пьянству. Когда, незадолго перед этим, в редакцию приходил третий секретарь райкома В.А. Лахтин с ценными указаниями по поводу развернувшейся антиалкогольной кампании, я устроил провокацию, торжественно заявив: «Наш коллектив решил в полном составе вступить в Общество трезвости». Лахтин одобрил «наше» решение, похвалил и сказал, что поддерживает нашу инициативу. Наши алкоголики Димченко, Кочкин и Кирьяков тайком показывали мне кулаки, но при третьем секретаре в открытую не возражали.

В итоге, на планёрке Ростовцев решил, что двух бутылок на коллектив хватит. Дорога до озера не длинная, но тяжёлая – по перекатам и практически по бездорожью. На редакционной машине 50 километров преодолели за 3 часа, к вечеру прибыли на место. На берегу озера собралось полторы сотни человек со всего района. Разбили палатки, развели костры. Комендантом лагеря был председатель райспорткомитета Колесниченко. Наша команда в составе Ростовцева, Димченко, Макаренковой, Кирьякова, Кочкина, водителя и меня расположилась вокруг костра за трапезой. Естественно, достали водку. Ростовцев, начиная разливать, с издёвкой обратился ко мне: «Вы, Владимир Николаевич, конечно, пить не будете». Я ему в ответ: «Конечно, нет: преступления начинаются с маленькой рюмки водки».

Все в нашей компании заулыбались, а Ростовцев говорит: «А что нам, шестерым, будет с двух бутылок?» Распили они водку быстро, и Анатолий Фёдорович, оставив за старшего Димченко, отправился ловить рыбу. Тут наши герои достали еще три бутылки водки, о которых Ростовцев, конечно, не знал, и в течение двух часов их уничтожили. Кочкин стоять уже не мог, тем более ходить, сидел возле костра. Но остальным показалось мало. Кирьяков предложил Димченко пойти к сапожникам из райбыткомбината, у них, говорит, есть спирт. Димченко говорит ему: «У нас же есть ещё бутылка», но Кирьяков соображает: «Эту пить нельзя, это редакционный НЗ». Сидящему без сил Кочкину строго наказали беречь НЗ, как зеницу ока. А сами ушли на халявный спирт. Через некоторое время комендант лагеря Колесниченко, проводя обход территории, подойдя к нашему костру, спрашивает, всё ли у нас в порядке. Кочкин, от доброты душевной, решил угостить почётного гостя водкой. Тот долго отказывался, но Кочкин пристал, как банный лист, и комендант, чтобы отвязаться от него, принял из его рук стакан, налитый из бутылки НЗ. И в этот момент появляются Димченко с Кирьяковым, недовольные тем, что сапожники не угостили спиртом, и видят, что их бутылку распечатали, да ещё и угощают кого-то. Возмущению их не было предела. Димченко схватил за грудки коменданта и во всё горло заорал: «Ты чего, козёл, пьёшь нашу водку?» Тот стал оправдываться: «Да меня ваш товарищ угостил...» Но куда там!..

Вошедшие в раж герои-журналисты решили наказать наглеца. Димченко, держа за грудки Колесниченко, таскал его по территории лагеря,

Кирияков прыгал возле них, пытаясь пнуть обидчика или ударить кулаком в бок, но у него это плохо получалось, и он, матерясь, падал сам. В пылу борьбы троица снесла две палатки, в которых уже спали люди. В одной из них были женщины, визг разбудил весь лагерь. Тут подбежала жена коменданта, пытаясь защитить своего мужа, кричит: «Помогите! Спасите! Редакция мужа бьёт!» Шум и гам поднялся на весь лагерь, еле смогли их растащить. После этого наши герои допили свой НЗ и легли спать. И я прилёг, но через пару часов встал, чтобы поснимать виды природы на рассвете. Стою на пригорке, щёлкаю затворами фотоаппаратов, и тут смотрю, появляется со связкой хариусов в руке наш главный редактор. Осмотрев с удовлетворением спящий лагерь, он говорит мне с ноткой превосходства в голосе: «Ну, вот видите, Владимир Николаевич, тишь да гладь да божья благодать. А вы говорили, что с рюмки водки начинаются преступления». Я ему в ответ: «Цыплят по осени считают». Он: «Причём тут цыплята?» А я: «Поживём — увидим».

Так и прожил Ростовцев до понедельника в отличнейшем настроении, которое, правда, резко изменилось после того, как его вызвали в райком... Вернувшись, он первым делом зашёл ко мне в фотолабораторию и потребовал рассказать, что произошло на озере. А я ему: «Я вас предупреждал, что преступная халатность руководителя редакции и потворство пьянству до добра не доведут, и ничего рассказывать вам не собираюсь. Спрашивайте у секретаря парторганизации, заместителя главного редактора Димченко. Вы его назначали ответственным за порядок в лагере, ему и ответ дер-

жать». Собрал Ростовцев коллектив, долго пытался выяснить подробности инцидента, но, увы, наши герои, понутив головы, лишь что-то мычали в свое оправдание, говоря, что ничего страшного не произошло. Красный, как варёный рак, Ростовцев был бешенстве.

Сенокос

Настало лето, пришло время сенокосов. Холодов, председатель поселкового совета, даёт всем предприятиям задание: кому сколько накосить для поддержки сельского хозяйства; и редакции тоже: накосить три тонны сена. Ну, мой лучший друг, редактор Ростовцев собрал нас на планёрку и говорит: нам дали задание накосить сена. Поэтому мы посылаем Владимира Николаевича Высокого на сенокос, на месяц, пусть он накосит сена. Я ему заявляю: «В газете “Правда” опубликовано постановление ЦК КПСС, в котором сказано, чтобы не привлекать журналистов на сельхозработы, а только, значит, чтобы их освещать, поэтому никуда я не поеду, в выходной день с удовольствием, а в рабочее время увольте. Репортаж для газеты сделать – моя работа, но не косить в рабочее время».

Ростовцев говорит: «А я напишу приказ, и вы, как миленький, отправитесь косить сено». А я ему в ответ: «Хе, я сфотографирую ваш приказ и отправлю куда следует, и там посмотрим, кто из нас прав». Редактор, густо покраснев, долго, долго мыслил, а потом говорит: «Мы отправим лучшего из нас – Виктора Андреевича Кириякова». И поехал Витька на целый месяц сено косить. Косил-косил, косил-косил, приехали приёмщики – сена

нет. Спрашивают его: где сено? Он: «Да вот, у меня кто-то украл, где-то там ветром сдуло, сгорело...» В общем, пропьянствовал там, на Эльгене, с дружкой своим агрономом, а сена так и не нашли... Так и не выполнил коллектив редакции задание председателя поссовета, к великому огорчению редактора.

Finita la commedia!

В 1995-м году я вернулся по просьбе редактора Михайловой в родные пенаты, то бишь в редакцию газеты “Северная правда”. И там опять наши пути сошлись с бывшим редактором, а ныне корреспондентом А.Ф.Р. Весёлое было время, он стал ярым антикоммунистом, всех агитировал за капиталистическое счастье. А я, не по убеждению, а супротив Ростовцева, вступил в КПРФ и сагитировал в КПРФ полредакции. Это надо было видеть и слышать! Бывший пламенный коммунист в бессильной злобе, в пылу полемики, пытался меня даже стулом ударить. Я его добил фразой: «Вот ваша внутренняя сущность: за неимением аргументов – стулом по голове». Он кричал, что КПСС – преступная организация, а я ему в ответ: «Вы флюгер и хамелеон, и мимикрия – свойство вашей души, но вы, будучи членом бюро райкома КПСС, являлись ПРЕ-СТУПНИ-КОМ!».

А в 1998 году «мой лучший друг» А.Ф.Р., чтобы доказать окружающим преимущество капиталистического пути, продемонстрировал очень правильную, с его точки зрения, модель экономического поведения. Просто занял у меня под сумасшедшие проценты денег и купил для своей дочери туристскую путевку в Арабские Эмираты. Был очень горд

своим поступком, перед всеми хвастался этим, даже написал в газете на целую полосу об этом историческом событии, где живописал, что так и надо – жить в долг, ни в чем себе не отказывая, как живут во всем мире. Но наступила финита ля комедия – его любимое выражение. Долг, как говорится, платежом красен. Настала пора расплачиваться. А денег у новоявленного бизнесмена, увы, не прибавилось. И тогда он не нашёл ничего лучшего, как обратиться к бухгалтеру газеты с требованием выплатить ему зарплату за два года вперёд. И это в конце 1998 года – после дефолта, когда зарплату не платили по полгода. Бухгалтер ему: «Вы что, с ума сошли, денег нет, а вдруг вы умрете? И вообще, это противозаконно». А он слёзно: «Меня кредиторы за горло взяли, грозят всеми карами, помогите! И зачем вы меня пугаете смертью, я здоров и работаю». В общем, денег ему бухгалтер не дала, и как он выкрутился из этой ситуации, не знаю. Но жив остался.

ЗНАМЕНИТЫЕ ЯГОДНИЦЫ

Евгения Соломоновна Гинзбург (1904–1977)

Советская журналистка, писатель, кандидат исторических наук. Была репрессирована в 1937 году, приговорена к тюремному заключению Военной коллегией Верховного Суда по статье 58, пункты 8 и 11, обвинена в участии в троцкистской террористической организации. Приговор: 10 лет

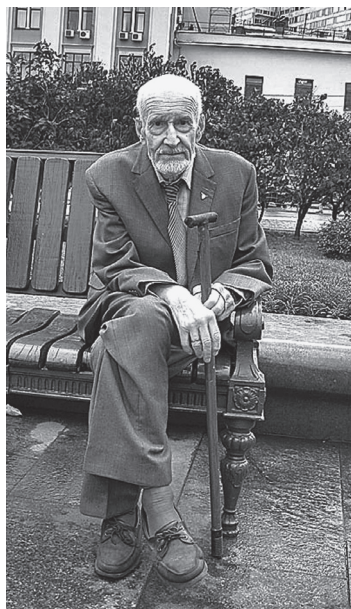
тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет и с конфискацией имущества. Провела 10 лет в тюрьмах (в том числе в Бутырках) и колымских лагерях Эльген и Таскан, находившихся в Ягоднинском районе, а затем 8 лет – в «бессрочной» ссылке. Автор автобиографического романа «Крутой маршрут» (1967 – 1977). Мать Василия Аксёнова, известного советского писателя, драматурга и переводчика.

Пётр Зигмундович Демант (1918–2006)

Австриец (из ассимилированной еврейской семьи), родился 2 августа 1918 года в городе Инсбрук в семье кадрового офицера. Литературный псевдоним – Вернон Кресс.

Если бы судьба этого человека сложилась иначе, то весь мир почти наверняка бы знал его как одного из величайших путешественников современности: первооткрывателя потерянных миров, покорителя новых вершин, исследователя неизвестных племён. Однако даже при тех жизненных обстоятельствах, которые суждены ему были не по собственной воле, все, кого судьба сводила с Петером Сигизмундовичем Демантом, невольно сравнивали этого высокообразованного, преисполненного непокоя и бешеной жажды жизни человека с героями Фенимора Купера или Джека Лондона.

Высокий, стройный, с открытым обветренным лицом, этот вечный путешественник, альпинист, охотник, радиолюбитель, фотограф и книголюб, своими силами выстроивший себе хижину в посёлке Ягодное на самом краю света – дальше были только Камчатка и Чукотка, он словно сошёл со страниц приключенческого романа. Только по-настоящему

*Москва, 2005 год. На встрече
колымчан. Фото В. Чеховских*

близкие ему люди знали, что жизнь этого неординарного человека в брезентовой робе с самодельным ножом за поясом в самом деле напоминала события остросюжетной книги, в которой преобладали, к сожалению, трагические и отнюдь не лирические страницы.

Знаток тогда ещё только (!) немецкого, румынского, английского, французского, польского и итальянского языков (позже к ним добавятся русский, чешский, испанский, арабский, японский), детство своё он провёл в Румынии, в городе Черновцы. В 1940 году, когда Северная Буковина вошла в состав Советского Союза, он остался в Черновцах и поступил на работу в краеведческий музей. 13 июня 1941 года его арестовали сотрудники НКВД. Начались его 12-летние скитания по ссылкам и лагерям. После освобождения по амнистии в 1953 году местом постоянного жительства для Петера Деманта на долгие 23 года стал посёлок Ягодное на Колыме. Лишённый вездесущим КГБ, сотрудники которого запретили филиалам различных институтов АН или даже метеорологическим станциям принимать на работу «австрийского шпиона», возможности работать по специальности, этот полиглот, имевший высшее техническое образование и прекрасно овладевший радиodelом, вынужден был большую часть своей жизни трудиться грузчиком торговой конторы. По подсчётам самого Петера Деманта, за все 23 года такой работы, со временем блестяще описанной в романе «Мои три парохода. Записки старого грузчика», он перенёс на своих плечах примерно 75 тысяч тонн различных грузов – мешков с сахаром, солью, цементом и мукой, ящиков со стеклом, гвоздями, посудой, шифером и облицовочной

плиткой, бочек с растительным маслом и вином... Переносил и мотоциклы, пианино, деревянные гробы... Этих 75 тысяч тонн грузов достаточно для того, чтобы заполнить ими трюмы трех морских кораблей.

В конце 60-х – в начале 70-х Демант начинает работать над главной книгой своей жизни, романом «Зекамерон XX века». Тогда же, во время одного из путешествий по Сибири, происходит самое важное в жизни Петера Деманта знакомство – с журналисткой Ириной Вечной. Именно она, дочь русского генерала, входившего в окружение Сталина, баронесса по происхождению, со временем согласится стать его женой. После переезда в 1978 году 60-летнего писателя в Москву он проживет вместе с любимой супругой еще 28 счастливых лет – до самой смерти. Здесь он стал одним из наиболее уважаемых членов «Мемориала».

Кроме романа «Зекамерон XX века», вышедшего под псевдонимом В. Кресс, перу П.З. Деманта принадлежат книги «Мои три парохода», «Зеркало тёти Сары», «Золото Монтаны», автобиографическое произведение «Счастливые тридцатые годы», ряд новелл и рассказов. Два его рассказа «Карьера Терехова» и «Идол» из ещё неопубликованной рукописи «Сибирские миражи» были напечатаны в Ягоднинской районной газете «Северная правда» в 1996 и 1997 годах. 11 декабря 2006 года Пётр Зигмундович Демант, после тяжёлой продолжительной болезни, умер в Москве.

Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)

Родился 18 июня 1907 года в Вологде. Советский прозаик и поэт, наиболее известный как автор цикла рассказов и очерков «Колымские рассказы», повествующего о жизни заключённых советских исправительно-трудовых лагерей в 1930-е – 1950-е годы.

Шаламов в юности был близок к «левой оппозиции», из-за чего в

1929 году был арестован и отбыл три года заключения в Вишерском лагере. После возвращения в Москву Шаламов начал писать стихи и рассказы. В 1937 году был арестован во второй раз, осуждён на пять лет лагерей за «антисоветскую пропаганду» (ст. 58-10 УК РСФСР) и этапирован на Колыму в Севвостлаг. В лагере Шаламов был осуждён на новый срок, и в общей сложности провёл на Колыме шестнадцать лет: четырнадцать на общих работах и фельдшером, и ещё два года после освобождения.

В Ягодном Шаламов бывал на пересылках и дважды сидел на Джелгале, в зоне, «где шли разводы “без последнего”, где овчарки выгоняли... всех поголовно, здоровых и больных» (рассказ «Город на горе»).

С середины 1950-х годов Шаламов жил в Москве и работал над «Колымскими рассказами». Не сумев опубликовать первый сборник рассказов в период

оттепели (чему «поспособствовал» А.И. Солженицын), писатель продолжал работу в стол и до 1973 года написал шесть сборников: «Колымские рассказы», «Левый берег», «Артист лопаты», «Очерки преступного мира», «Воскрешение лиственницы» и «Перчатка, или КР-2». Рассказы писателя циркулировали в самиздате, с 1966 года началась их неавторизованная публикация за границей; в Советском Союзе Шаламову удалось опубликоваться только как поэту, а «Колымские рассказы» были изданы уже после смерти автора, в конце 1980-х годов. Со второй половины 1960-х Шаламов резко отдалился от диссидентского движения, чему способствовало отправленное в 1972 году в «Литературную газету» открытое письмо с осуждением пиратских иностранных изданий «Колымских рассказов». Последние годы писатель, здоровье которого катастрофически ухудшилось, провёл в московском доме престарелых и инвалидов Литфонда.

Галина Геннадиевна Остапенко (Чемоданова)
(1908–1971)

Г.Г. Остапенко – прозаик, член Союза писателей СССР. Родилась в 1908 году в местечке Козловы Горы под Костромой. В 1931 году окончила историко-филологический факультет Ленинградского университета. Свой творческий путь начинала журналистом в ленинградских газетах и на радио. Пер-

вый рассказ – «Алька» – был опубликован в журнале «Смена» в 1930 году. С 1938 по 1941 год Галина Геннадиевна жила и работала на Дальнем Востоке. С 1954 года – в Магаданской области, первые два года – журналистом в районной газете «Северная правда». Здесь, в Ягоднинском районе, сложилась очень активная литературная группа (В. Португалов, С. Лившиц, О. Гуссаковская, В. Кожемякин). В 1956 году Галина Геннадиевна переехала с семьёй в Магадан. В этом же году в альманахе «На Севере Дальнем» вышел её рассказ «Вещи». Перепечатанный журналом «Советская женщина», рассказ был отмечен первой премией журнала за 1958 год.

Первая книга рассказов Г.Г. Остапенко «Испытание» вышла в Магаданском книжном издательстве в 1958 году, а затем в 1960 году – сборник «Настоящее». Многие её рассказы и повести посвя-

щены Северу, Колыме. Последней изданной книгой Галины Остапенко стали главы из неоконченного романа «День будет солнечным» (1971).

Галина Геннадиевна была в первом составе созданной в 1960 году Магаданской областной писательской организации, членом редколлегии литературного альманаха «На Севере Дальнем». Её заботу и творческую поддержку ценили начинающие авторы-северяне – О. Гуссаковская, О. Куваев, Ю. Васильев, А. Мифтахутдинов.

Умерла Галина Остапенко в 1971 году после тяжёлой болезни в Ленинграде.

Семён Ефимович Лившиц (1924–2010)

С.Е. Лившиц – поэт, член Союза писателей СССР, участник Великой Отечественной войны. Родился в 1924 году в Орле. Осиротел в возрасте полутора лет. В 1932 году вместе с бабушкой переехал в Москву. Закончил школу-семилетку и фабрично-заводское училище в Тушино. Работал на заводе. В августе 1942 года был призван в армию. Закончил военное училище в городе Орджоникидзе.

В годы войны командовал взводом, был старшим инструктором политотдела. Награждён орденом Красной Звезды, медалями.

Осенью 1950 года по контракту прибыл на Колыму. Исполнял обязанности инструктора политотдела, редактировал воинскую многотиражку. Службу совмещал с творческой работой. Был участником первого на Колыме литературного объединения в посёлке Ягодное, в состав которого входили В. Португалов, Г. Остапенко, О. Гуссаковская, В. Шпринк, В. Кожемякин, В. Шумков. Стихи С.Е. Лившица публиковались в альманахе «На Севере Дальнем», газете «Советская Колыма». Участник I-го областного совещания молодых писателей (1956). Его первая книга стихов «На исходном рубеже» вышла в 1959 году в Магадане. В 1960–1970-е гг. в Магадане и Москве были изданы шесть его поэтических сборников.

С начала 1960-х годов, выйдя в отставку, С.Е. Лившиц работал редактором, затем главным

редактором Магаданского областного книжного издательства, старшим редактором студии телевидения. 1962–1969 гг. – главный редактор альманаха «На Севере Дальнем». Ответственный секретарь Магаданской областной организации Союза писателей РФ (1966–1969).

В 1974 году с семьёй переехал в город Туапсе. Семён Ефимович – автор 15 поэтических сборников, адресованных взрослым и детям.

Валентин Валентинович Португалов (1913–1969)

Советский писатель, поэт, переводчик и артист. Родился 1 июня 1913 в Кунцево под Москвой в семье крупного московского книгоиздателя Валентина Платоновича Португалова.

В 1928 году окончил школу-семилетку. Начал работать на авиационном заводе № 22 в Филях (рабочий-станочник). Поступил на учёбу в Государственные экспериментальные театральные мастерские имени Вс. Мей-

ерхольда (1930). С 1931 года – в труппе Реалистического театра.

В 1934 году перешёл работать на радио, в сектор детского вещания. С 1936 года одновременно был литсотрудником газеты «Политотделец» Московского речного пароходства. В 1935 году поступил на второй курс незадолго перед тем основанного М. Горьким Литературного института, был однокурсником К. Симонова.

В 1937 году арестован по обвинению в «участии в террористической группе молодых литераторов, разрабатывавших план покушения на товарища Сталина». В июле того же года осуждён Особым совещанием НКВД СССР на пять лет исправительно-трудовых лагерей «за контрреволюционную агитацию». Срок отбывал в колымских

лагерях, работал забойщиком, лесорубом, трактористом, горным мастером.

В 1942 году освободился. Жил и работал в Магадане: актёр, затем – режиссёр Магаданского музыкально-драматического театра. Активно сотрудничал в Колымском радиокомитете, за что получил благодарность от начальника Дальстроя И.Ф. Никишова. Но в 1946 году в органы МВД попали написанные ещё в 1938 году стихи Португалова о испытанном им лагерном произволе. Был вторично осуждён и освобождён только 10 июня 1952 года. После освобождения работал на разных должностях в посёлках центральной Колымы. В 1955 году переехал в Ягодное, где стал художественным руководителем районного дома культуры. 16 сентября 2016 года в посёлке Ягодное открыта мемориальная доска В.В. Португалову.

Ольга Николаевна Гуссаковская (1932–2007)

О.Н. Гуссаковская – прозаик, член Союза писателей СССР. В 1955 году окончила исторический факультет Костромского педагогического института им. Н. А. Некрасова. По распределению приехала в Магаданскую область. Преподавала историю в медицинском училище посёлка Дебин и в школе посёлка Ягодного.

После переезда в Магадан работала литературным сотрудником газеты «Магаданский комсомолец», редактором Магаданского книжного издательства. В 1965–1966 гг. училась на Высших литературных курсах в Москве. В 1972 году вернулась в Кострому.

Автор более десятка книг, которые были изданы местными, а также центральными издательствами. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Валентин Константинович Черных (1935–2012)

Валентин Черных – выдающийся советский киносценарист (по его сценариям сняты несколько десятков фильмов, в том числе картина «Москва слезам не верит», получившая в 1979 году премию «Оскар» за лучший фильм на иностранном языке), драматург, продюсер, кинорежиссёр и актёр, заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии.

В Ягодном работал в 1950-е годы в районной газете и в Доме культуры.

Наталья Евгеньевна Хабарова (1936–2013)

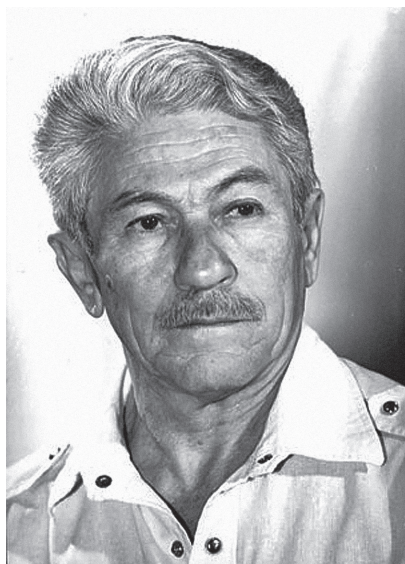
Советский геолог, первооткрыватель золоторудных месторождений, Герой Социалистического Труда (1981). Родилась 24 марта 1936 года в селе Богаты Беловского района Западно-Сибирского края (ныне – Кемеровская область). В 1938 году был репрессирован отец. Мать, сельская учительница, одна воспитывала четверых детей. Наталья окончила семилетку и поступила в горный техникум, в возрасте 15 лет работала на практике помощником бурильщика, окончила техникум в 1955 году. В 1960 году окончила геологоразведочный факультет Томского политехнического института. С 1960 по 1986 год работала в геологических организациях объединения «Севвостгеология», пройдя путь от младшего техника-геолога до начальника геологоразведочной экспедиции.

Звёздными для Натальи Евгеньевны стали годы работы главным геологом в Шмидтовской геологоразведочной экспедиции. При её непосредственном участии и руководстве открыты многие месторождения россыпного золота, лично и в группе. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1981 года за выдающиеся производственные достижения, досрочное выполнение заданий десятой пятилетки и социалистических обязательств, про-

явленную трудовую доблесть Н.Е. Хабаровой присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Последние два с половиной года, до выхода на пенсию в 1986 году и отъезда с Севера, Хабарова работала начальником Ягоднинской геологоразведочной экспедиции. Умерла 21 октября 2013 года в Кемерово.

Владимир Григорьевич Эрвайс (1928 – 2010)

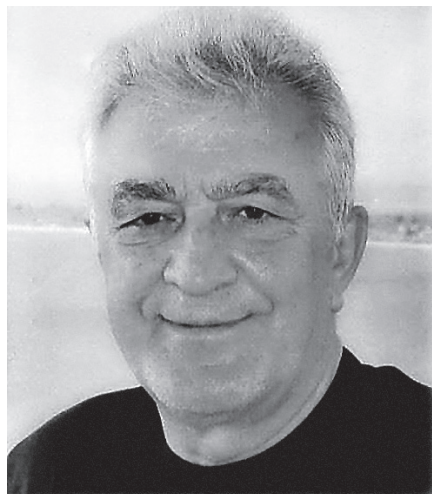
Российский кинематографист и писатель. В 1944 – 1945 годы служил в Красной Армии, принимал участие в боевых действиях в Болгарии и Югославии в качестве авиамеханика и стрелка-радиста

Окончил ВГИК, работал как режиссёр-документалист. Среди документальных фильмов, снятых Эрвайсом, – «Твое время» (1967), «Честь смолоду» (1967), «Путь славы» (1968), «Оказана помощь» (1968), «Чтобы никогда» (1968), «...За исключением пустыка» (1969), «Мой дом – Нурек» (1970), «Товарищ фабком» (1972, режиссёр и оператор), «Секрет актрисы» (1977, об оперной певице Туфе Фазыловой). Одновременно в 1970-е годы начал публиковать документальную прозу, в том числе в журнале «Юность».

В 1981 г. был командирован на Дальний Восток для подготовки материала о дальневосточных героях труда. Познакомившись с одной из будущих героинь, Героем Социалистического Труда геологом Натальей Хабаровой, женился на ней и остался жить в посёлке Ягодное Магаданской области, где Хабаровова к тому времени возглавила геологоразведочную экспедицию. В этот период написал книги «Золотая тропа Натальи Хабаровой» (1982), «Жен-

щины Чукотки» (1983), «Встречают и провожают мужчины...» (1986) и «Геологи Чукотки» (1988), опубликованные в Магаданском книжном издательстве.

Александр Николаевич Умяров (род. 1949)

Известный российский художник-карикатурист, график и иллюстратор, последователь «Школы Кукрыниксов» журнала «Крокодил». Родился Александр Николаевич в Москве, но в школьные годы оказался в Ягодном, где жил вместе с мамой, приехавшей в Магаданскую область по комсомольской путёвке. В старших

классах два летних сезона проработал в геологических партиях, затем служил на Северном флоте.

Рисовать начал, как он шутит, раньше, чем начал говорить. Природа щедро одарила Александра острым взглядом, пытливым умом, умением аналитического подхода к явлениям политической и общественной жизни.

Александр Умяров – член Международной федерации художников России, председатель секции карикатуристов России, лауреат и дипломант многочисленных отечественных и зарубежных конкурсов карикатур. Многие российские и зарубежные политические и общественные деятели с удовольствием используют в своих книгах иллюстрации Александра Николаевича. Понравившиеся работы художник дарит своим друзьям и знакомым для их частных коллекций, а многие поклонники его таланта приобретают созданные им произведения

на выставках. Потенциал художника огромен. Он один из немногих, кто рисует карикатуры на политические, сатирические и юмористические темы.

Ежегодно 31 августа в Москве проходит традиционная встреча колымчан-ягоднинцев, неизменным участником этих сборов является и Александр Николаевич Умяров.

Юрий Юлианович Шевчук (род. в 1957 году в Ягодном)

Российский рок-музыкант, автор песен, поэт, актёр, художник, продюсер и общественный деятель. Основатель, лидер и единственный бессменный участник группы ДДТ. Создатель и руководитель ТОО «Театр ДДТ».

Юрий родился 16 мая 1957 года в посёлке Ягодное Магаданской области в семье педагогов: мама музыканта старалась привить мальчику тягу к прекрасному с раннего детства. Так, сначала Юра увлекался рисованием, а потом стал брать уроки музыки. В 1964 году семья переехала в Нальчик.

Диана Сергеевна Арбенина (род. 1974)

Диана Арбенина – певица, поэт, музыкант. Лидер группы «Ночные снайперы».

Родилась 8 июля 1974 года в городе Воложин Минской области в семье журналистов. Её семья переехала на Крайний Север: жили в Ягодном (где Диана окончила среднюю школу).

В 1992–1993 годах Диана училась в Магаданском государственном педагогическом институте на факультете иностранных языков. В 1994 году, после переезда в Петербург, перевелась на филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, который окончила в 1998 году (отделение «русский язык как иностранный»).

Свои первые песни начала писать в 1991 году. В частности, этим годом датируется одна из самых известных её композиций – «Рубеж». К раннему периоду творчества относятся также песни «Я раскрашивал небо», «Вечер в Крыму», «Тоска», «Только шум на реке». Концертная деятельность Дианы того времени ограничивалась любительскими выступлениями и участием в различных студенческих конкурсах и мероприятиях.

В августе 1993 года познакомилась с музыкантом Светланой Сургановой. Вместе они создали группу «Ночные снайперы». В 2002 году Сурганова

покинула коллектив, и Арбенина осталась его единственной солисткой. На 2020 год Арбенина является автором более 250 песен и более 150 стихотворений (их она предпочитает называть «антипеснями»), ряда рассказов и эссе.

Игорь Яковлевич Высоцкий (род. 1953)

Игорь Яковлевич Высоцкий – советский боксёр, мастер спорта СССР международного класса, родился 10 сентября 1953 года в Ягодном. На международном ринге провёл 26 боёв, из которых 23 выиграл (всего 185 боёв,

из которых победил в 161). Его отец, Яков Антонович, краснофлотец, участник Великой Отечественной войны, высланный на поселение после немецкого плена, также был боксёром, выступал в тяжёлом весе, был победителем областных соревнований. Отец прививал маленькому Игорю любовь к спорту. Каждое утро вместе делали зарядку. В неё входили работа с 8-килограммовыми гантелями и отработка уклонов и нырков. Яков обозначал удары и заставлял сына делать защитные действия. Отец закладывал в ребёнка базовые основы кулачного искусства. Спустя много лет хорошо поставленные уклоны стали визитной карточкой чемпиона.

Мама, Меета Иогановна Суве, эстонка по национальности, была выслана в Магаданскую область после окончания войны из-за того, что работала секретаршей в какой-то конторе на оккупированной территории.

Игорь начал заниматься боксом с 12 лет. Тренировался у Евгения Жильцова, с 1968 года у Бориса Гитмана. Дебютировал на ринге на юниорском чем-

пионате ЦС «Труд» в 1971 году в Алма-Ате. В 1973 году победил на первенстве СССР среди молодёжи. Считается одним из сильнейших боксёров-тяжеловесов 1970-х годов в любительском боксе. При этом он не был ни чемпионом Европы, ни чемпионом мира и Олимпийских игр. Единственный турнир, который Высоцкий выиграл, – чемпионат СССР 1978 года. Острые кромки надбровных дуг, индивидуальная особенность строения черепа Высоцкого стали причиной хронических травм боксёра в поединках – рассечений, из-за которых бой оканчивался для него поражением (противники часто сознательно выводили Высоцкого из боя таким образом). На чемпионате мира 1978 года проиграл в первом бою Доминику Нато (3:2). При отборе на Олимпиаду-1980 уступил Евгению Горсткову и после этого в возрасте 27 лет покинул ринг. Успев прославиться тем, что стал единственным боксёром, сумевшим дважды победить трёхкратного олимпийского чемпиона кубинца Теофило Стивенсона (на турнире «Кордова хардин» в Гаване в 1973 году и на турнире в Минске в 1976-м). Причём, во второй раз победа была нокаутом. В 1975 году на традиционной встрече боксёров СССР – США Игорь одержал победу над лидером американской команды Джимми Кларком. Игорь Высоцкий – один из трёх советских боксёров (двое других Евгений Горстков и Пётр Заев), кто в 1978 году в Москве проводил показательные бои с известным боксёром, чемпионом мира среди профессионалов – Мохаммедом Али. В 2006 году вышел сериал «Громы» с участием спортсмена, где он сыграл роль тренера по боксу Лукича.

Иван Александрович Паникаров (род. 1955)

Иван Паникаров. Воистину легендарная личность. Сегодня это имя известно международному музейному сообществу. «Память Колымы» – так называется созданный им Ягоднинский районный музей. Член Союза журналистов, энтузиаст-краевед, инициатор создания и руководитель Ягоднинского общества «Поиск незаконно репрессированных» (1990), директор музея памяти жертв репрессий «Память Колымы» (1994).

Родился на хуторе Грязновка Красносулинского района Ростовской области. Окончил училище связи, отслужил в рядах Советской Армии, трудился на предприятиях Ростовской области и Ставропольского края. 24 марта 1981 г. по договору прибыл на Колыму, на прииск имени М. Горького. В 1983 году, после окончания договора, переехал жить в Ягодное. Там он заинтересовался историей бывших заключенных ГУЛАГа. С тех пор стремится сохранить память о репрессированных Колымы в период великих строек и в годы тоталитарного режима. Выпустил 22 книги, в том числе «Историю посёлков Центральной Колымы». Фонд писем музея Паникарова – свыше 5 тысяч.

Паникаров приехал на Колыму работать слесарем-сантехником, а стал историком и основа-

телем первого музея, посвящённого теме репрессий и «Дальстроя» в Магаданской области. Его музей ютится в маленькой квартирке на задворках посёлка, но содержит тысячи экспонатов, некоторые из которых выставлялись в Москве и Париже. В 2007 году в Сорбонне проходила международная конференция «Наследие ГУЛАГа». Иван Паникаров был приглашён не только на конференцию, но и для чтения лекций в парижском университете.

И.А. Паникаров ведёт большую поисковую и просветительскую работу, издаёт книжную серию «Архивы памяти», в которой публикует воспоминания и литературные произведения узников ГУЛАГа и жителей Колымы. В 2003–2004 гг. выпустил 12 номеров газеты «Чудная планета».

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ

Зелёная лысина

Был у нас в роте балагур и прикольник Юрий Вавейкин, истый Василий Тёркин, анекдоты и шутки сыпались из него, как из рога изобилия. И любил он спорить со всеми на банку сгущёнки. В роте к Новому году покрасили стены ядовито-зелёной краской, которая совершенно не сохла. Наверное, до сих пор ещё сохнет. И Вавейкин поспорил, что он измажет краской лысую голову командира взвода младшего лейтенанта товарища Майорко, а он ему за это ещё и спасибо скажет. А командир был крепкий парень, широк в плечах и наделён от природы могучей силой. Родом он был из украинского села, полуграмотный, отслужил три года срочной службы и остался в армии. Играючи жонглировал двухпудовыми гирями, подтягивался на одной руке тридцать раз на перекладине. И шутить с ним было смертельно опасно.

После политинформации, которую по слогам читал Майорко в Ленинской комнате полусонной аудитории, все, в предвкушении спектакля, окружили участников этой провокации. Вавейкин измазал свой указательный палец зелёной краской, подошёл со спины, провёл по лысине командира, подсунул палец под нос одного и взволнованно гово-

рит ему: «Товарищ младший лейтенант, у вас голова в краске». Тот, проведя по голове ладонью, убедившись, что это правда, чертыхнулся и говорит: «Спасибо, Вавейкин». Достал носовой платок и долго тёр свою зелёную лысину, недоумевая и бормоча про себя: «Где я вымазал голову?». Взвод, чуть не плача, давась от едва сдерживаемого смеха, по одному выскакивал из ленкомнаты и гоготал во всё горло.

Так Вавейкин выиграл три банки сгущёнки.

Галеты

Служил в нашей роте водитель двухметрового роста, худющий как жердь, по фамилии Сосискин. Естественно все его звали Сиськиным, он привык и не обижался, добрый был парень. Стандартного армейского пищевого довольствия ему катастрофически не хватало, он был вечно голодным. Вавейкин купил в армейском магазине пачку дешёвых галет за 20 копеек. Собрал полроты зрителей и поспорил, что Сиськин не успеет съесть пачку галет за время передвижения вдоль казармы от стенки до входа, а расстояние это было около пятидесяти метров. Спорил Вавейкин, конечно, на сгущёнку. Сосискин же горячо утверждал, что он съест две, а то и три пачки галет.

Сослуживцы окружили спорщиков и стали делать ставки на поедателя галет и его оппонента. Пять человек поставили на Сиськина, и три против. Судьёй был каптёрщик по фамилии Колчаков, конечно, для краткости его все звали Колчаком. Он аккуратно записал на листке бумаги фамилии спорщиков и их ставки. Сосискин встал на стартовую позицию, Вавейкин вручил ему галеты,

и представление началось. Запихав в рот сразу полпачки галет, Сосискин начал медленное движение, как ему казалось, к неоспоримой победе и заветной банке сгущёнки. Толпа болельщиков с дикими воплями: «Давай, глотай, быстрее жуй!» – медленно двигалась по казарме. Сосискин, с выпученными глазами, старался проглотить галеты, но только на середине пути ему это с трудом удалось. Затолкав в рот остаток, он продолжил движение, но пересохший рот не позволял ему сделать последний победный глоток. Дистанция закончилась, и наш герой с полным ртом галет позорно капитулировал.

Водолаз

Стояло жаркое лето, солнце пекло немилосердно. Нашему взводу дали ответственное задание государственной важности: рыть траншею под кабель связи. Длина траншеи три километра, глубина 70 сантиметров, норма сто метров в день. Майорко, познавший срочную службу на своей шкуре, привёл взвод к месту работы. Разделся по пояс и говорит: «Ребята, выполним свою норму и идём на озеро загорать и купаться». Отказаться от такого предложения было неразумно.

Младший лейтенант взял в руки лопату и, как мощный экскаватор, стал с такой энергией копать траншею, что мы еле поспевали за ним подчищать. Весь взвод последовал его примеру, и за три часа мы выполнили дневную норму. До озера было двести метров, и взвод с песней бодро прошагал это расстояние. Разделись догола и попрыгали в озеро, наслаждаясь прохладной водой. Плавали, ныряли, кувыркались. И тут Вавейкин достал из сумки про-

тивогаз и заявил, что он как водолаз проплывёт под водой от берега до берега. А расстояние там было метров тридцать. Предлагал поспорить на сгущёнку, но никто на его затею не откликнулся.

Открутив банку с фильтром у противогаса, водолаз натянул его на голову и вошёл в воду. Все с интересом стали наблюдать за этой авантюрой. Вавейкин поднял гофрированную трубу над водой и погрузился с головой. В наступившей тишине слышно было его дыхание, точнее громкое хрюканье из шланга, похожего на хобот. Посередине озера, где глубина была около трёх метров, вдруг конец шланга исчез под водой. Секунд десять только пузыри всплывали на поверхность воды. Все настожились, водолаз не появлялся. Майорко с криком: «Спасай Вавейкина!» кинулся в воду. Остальные бросились на подмогу. И в этот момент у противоположного берега из воды появляется, отплёвываясь и откашливаясь, с болотной тиной на голове, рядовой Вавейкин. Да ещё с криком: «Урааа, победа!».

Хорошо, что всё хорошо кончается. Водолаз получил два наряда вне очереди, а взвод в полном составе, но без Вавейкина, ещё полдня загорал и купался.

Половинка

Дело было летом 1969 года на границе с Китаем. Наша воинская часть стояла на берегу пограничной реки Уссури. 2 марта произошёл военный конфликт между Китаем и СССР на острове Даманский. В бою за остров со 2 по 16 марта погибли 58 советских воинов, 94 получили тяжёлые ранения. Потери КНР – до 3 тысяч. За проявленный героизм четверо воен-

нослужащих получили звание Героя Советского Союза.

В начале конфликта нашу часть, стоявшую в 28 километрах от острова Даманский, по тревоге бросили на защиту границы. С полным боевым комплектом разместились в бетонированных дотах, построенных ещё маршалом Блюхером на берегу Уссури. Три месяца просидели в насквозь промёрзших дотах; с китайской стороны изредка постреливали, нам же строго запретили стрелять в ответ. Наступило лето, конфликт постепенно утратил остроту, и мы вернулись в свои казармы.

В десяти километрах от части, где дислоцировался наш батальон, на берегу реки находилась гора Половинка, вся испещрённая ходами и галереями, которые выходили к пулемётным и оружейным амбразурам, детище опального маршала, расстрелянного в 1938 году. На вершине Половинки стоял наблюдательный пункт для контроля за китайской стороной, с мощным стационарным биноклем с тридцатикратным увеличением. У входа в гору находился домик, где отдыхали бойцы, в нём же были кухня и склад продуктов и боеприпасов. Взвод нашей роты на полмесяца отправлялся на боевое дежурство в район Половинки. По расписанию, круглосуточно, выставляются часовые на посты на вершине горы, у дома, где ночуют солдаты, и наряд из двух бойцов для обхода вокруг горы.

Лето жаркое, а река, протекающая рядом, насыщает влагой воздух, делая его липким и душным. Ночью, под стрекот цикад, мириады светлячков летают вокруг. Мерцающие огоньки насекомых прокатываются волнами, создавая нереально красивую космическую картину. Из-за горизонта медленно

всплыла огромная жёлтая луна. В это время на поверхности спутника земли американский астронавт Нил Армстронг делает первые шаги, оставляя в лунной пыли свои следы. Мечта человечества, описанная в книгах фантастами, сбылась.

Но вернёмся на грешную землю. В одну из ночей нагрянула гроза, дождь лил как из ведра. Мощные разряды молний вспарывали крошечную темноту, гром грохотал с такой силой, что казалось – крыша обрушится на отдыхающих солдат. Возле дома в это время стоял на посту рядовой Вавейкин. А он, кстати, покуривал коноплю, густые заросли которой произрастали по всей округе. Представьте себе: непроглядная ночь, не видно ни зги, хоть глаза выколи, и обкуренное воображение Вавейкина рисует страшные картины. Китайские лазутчики, с ножами в руках, окружают со всех сторон. Вавейкин прижался спиной к стене дома, передёрнул затвор автомата, снял с предохранителя, положил палец на курок и ждёт. Живым решил не сдаваться. А в это время внутри дома, измученные жарой, солдаты спят на деревянных нарах. Был в роте рядовой по фамилии Рак, так ему постоянно снились кошмары, и он часто будил ночью всю роту своими жуткими воплями. И в эту ночь он по своему обыкновению заорал во всё горло. Вавейкин понял, что китайские диверсанты пробрались в дом и режут его товарищей. В очередной раз рядом вспыхнул ослепительный разряд молнии, и сразу же грянул оглушающий гром. Вавейкин от страха закрыл глаза и нажал на курок, и жал до тех пор, пока не кончились патроны в магазине.

Вот тут-то и началось, длинная автоматная очередь разбудила всех. Командир взвода лейтенант

Барановский, полгода назад закончивший военное училище, закричал фальцетом: «Занять круговую оборону!». В помещении было темно, кто-то включил фонарь. Лейтенант завизжал: «Выключить свет, подготовиться к бою!» и, достав свой ПМ, упал на пол. Остальные в суматохе кинулись искать своё оружие. Эта паника продолжалась минут пять.

Гроза внезапно кончилась, и снаружи в тишине раздался слабый голосок Вавейкина: «Ребята, вы живые?». Ему в ответ: «Кто стрелял?». «Я, нечаянно», – ответил наш герой. Сержант Корниевский включил фонарь, и предстала пред нашими глазами следующая картина. Барановский лежит, распластавшись на полу с пистолетом в руке. Трое бойцов выглядывают из-под нар, один с автоматом без магазина, другой со штыкножом в руке, третий без оружия. Остальные с испуганными лицами, кто с оружием, кто с гранатой в трясущейся руке, застыли в немой позе. В углу два брата близнеца Свиначуки с западной Украины, прижавшись друг к другу, истово крестятся, бормоча молитвы. Сержант громовым голосом: «Вавейкин, три наряда вне очереди, твою мать!» и добавляет: «Пять банок сгущёнки с тебя, козёл!». И тут раздался гомерический хохот. Ржали все так, что, наверно, китайцы слышали на том берегу Уссури. Солдаты, хватаясь за животы, гоготали, катались по полу, показывая друг на друга пальцами, всхлипывая от смеха. Один Вавейкин стоял грустный среди хохотавших солдат. Три наряда – ладно. Но какой дурак теперь поспорит с ним на пять банок сгущёнки...

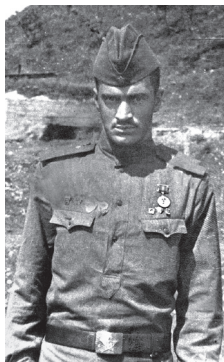
Барановский

Командира взвода младшего лейтенанта Майорко начальство батальона отправило на три месяца на учёбу. Уж очень он хотел получить очередное звание лейтенанта, а без учёбы – ну никак. И вместо Майорко назначили нам лейтенанта Барановского, недавно закончившего военное училище. В глазах солдат он представлял собой жалкое зрелище: худой, бледнолицый, с испуганным взглядом насторожённых глаз, отдававший первым честь всем военнослужащим, даже рядовым. Его голосок, тонкий фальцет, ну никак не соответствовал статусу офицера. Его команды вызывали у подчинённых только смех, а он от этого бесился, срывая свой голосок до визга. А тут ещё Вавейкин, исподтишка, дразнил его, блеял по-бараньи: «Мее, мее, мее». А взвод ржал по-лошадиному во весь голос.

Барановский, хватаясь за кобуру пистолета, грозил застрелить блеявшего, но выявить провокатора ему никак не удавалось. Задание рыть траншею под кабель никто не отменял, и наш взвод, возглавляемый новоиспеченным командиром, в очередной раз отправился на земляные работы. Лейтенант, застёгнутый на все пуговицы, отдал нам приказ приступать к работе, а сам присел в тени под деревом. Сержант Корниевский, чтобы уточнить позицию командира взвода, говорит ему: «Мы до обеда выполняем дневную норму, а после обеда идём на озеро». На что Барановский ему отвечает: «Никакого озера, только работать». Энтузиазм у взвода тут же испарился, стали копать ни шатко, ни валко, лениво ковыряя землю.

Лейтенант встал, отмерил шагами дообеденную длину будущей траншеи, метров пятьдесят, и заявил: «Если до полудня не справитесь, то на обед не пойдёте». Тут наше терпение окончательно лопнуло. Вавейкин кричит: «Война войной – а обед по расписанию!». Остальные поддержали криками: «Не имеешь права, незаконно, службы не знаешь!». Так до обеда и проволынили, пока не услышали песни рот, идущих на обед в батальонную столовую. Солдаты зашумели: «Пора идти на обед». Барановский опять за своё. Тогда сержант Корниевский скомандовал: «Взвод, стройся, шагом марш, запевай!». И мы с песней, в ногу, двинулись на обед. Идём, лейтенант бежит рядом и кричит: «Отставить! Слушай мою команду! Стоять! Шагом марш к траншее!». Взвод на него – ноль внимания, фунт презрения. Подошли к столовой. Сержант доложил дежурному по части: «Третий взвод второй роты прибыл на обед». Барановский что-то ещё пытался сказать дежурному, чтобы не пустить нас в столовую. Но тот, не обращая на нашего лейтенанта внимания, пропустил нас на обед.

Так солдатская справедливость восторжествовала!

СТИХОТВОРЕНИЯ

Миниатюры

* * *

Осталась юность где-то далеко.
Жизнь, как вода, сквозь пальчики струится.
Жизнь – Млечный Путь, парное молоко,
Мне никогда тобою не напиться...

* * *

Белый иней опушил твои ресницы,
Звёзды падают снежинками усталыми,
В золоте волос твоих искрится
Чистый снег алмазными кристаллами.

* * *

Стынет речка средь снегов,
В дымке перевалы...
Память канувших веков –
Валунов навалы.

* * *

Память прошлого вредная дюже –
Не даёт нам заснуть по ночам.
Об ушедших мы плачем и тужим,
Поминальная светит свеча

* * *

Я с грустью вспоминаю наши встречи.
Наверно, я был в чём-то виноват.
Но до сих пор мне снятся твои плечи.
И карих глаз твоих лукавый взгляд.

* * *

Жизнь коротка, а мы не знаем, почему,
И не находим нужного ответа.
Друзья уходят в мир иной по одному,
Оставив нам осиротевшую планету.

* * *

Мои стихи рождаются спонтанно,
С небес или откуда-то ещё.
И рифмы вдруг слагаются случайно,
И хочется любить и жить ещё.

* * *

Рабом Евтерпы быть я обречён.
Во мне гудит шальная кровь поэта.
Я с рифмою навечно обручён.
Свою судьбу благодарю за это.

* * *

Над рекою склонились ивы.
Деревенский печальный погост.
Облаков разлохматились гривы.
Лопухи в человеческий рост.

Тальская весна

В лицо пахнул тревожный запах ветра.
Глаза открыл, а ты передо мной.
В руке держала стланикову ветку,
Пропитанную Тальскою весной.

И ароматом тающего снега
Наполнила меня ты до краев.
В твоих глазах распахнутое небо,
Как океан любви без берегов.

Не знаю, сколько встречу я рассветов.
Но я желаю, чтобы знала ты:
Я не забуду эту стланикову ветку
До самой крайней, гибельной черты.

Ветка стланика, стоящая в стакане,
Хвойным духом будоражит мою кровь,
Янтарём смолистым истекая,
О тебе напомнила мне вновь.

Не забуду северного мая.
Звон ручьев в прозрачной тишине.
Не забуду потому, что знаю –
Ты живешь с грустинкой обо мне.

Купавна

На паутинке, еле видимой, забавно
Багряный лист кружится на весу.
Опять приснилась мне далекая Купавна
И ты, любимая, в берёзовом лесу.

Рябины пламенеющие гроздья
Глядят застенчиво в чердачное окно.
И ты, моя загадочная гостья,
В каком-то фантастическом кино.

Тебе я не сказал о самом главном,
И этот крест пожизненно несу.
Мне часто снится подмосковная Купавна
И ты, любимая, в берёзовом лесу.

Хмельных волос в ночи прикосновенье
И аромат клубничных губ твоих...
Промчались эти дни в одно мгновенье,
Оставшись только в памяти двоих.

В твоих объятьях я сгорал недавно.
Но лишь во сне я жадно пью росу.
Как часто снится подмосковная Купавна
И ты, любимая, в берёзовом лесу.

Тот неуют чердачного приюта
Был раем для влюблённых в шалаше.
Не вернуть счастливые минуты,
Грусть и печаль мы бережём в душе.

Вот электричка трогается плавно,
Вдаль унося окрестностей красу.
Зачем мне снится подмосковная Купавна
И ты, любимая, в берёзовом лесу?

Алатау

Ты живёшь в предгорье Алатау
С верою в любовь и красоту.
Я же исподволь, тайком от всех, мечтаю
Снова прилететь в Алма-Ату.

Посещу прекрасное Медео,
Заберусь опять на Кок-Тюбе,
Пред тобою встану на колено
И тюльпаны подарю тебе.

Загляну в глаза твои родные.
Осторожно обниму твой стан.
Мысли в голове кружат шальные.
Ближе стал далекий Казахстан.

Арбат

Средь сутолоки шумного Арбата,
Не замечая праздной суеты,
Чуть-чуть смущаясь, глядя в даль куда-то,
Художнику позировала ты.

Его руки отточено движение,
Стремителен полёт карандаша.
И чувствуется чуда приближение,
И обнажается художника душа.

На ватмане, как в зеркале старинном,
Возникли твои нежные черты.
Твои глаза мне не забыть отныне
До самой крайней, губительной черты.

И в этот час ты стала мне всех ближе...
Когда-нибудь, через семнадцать лет,
Глаза закрою и во сне увижу
Художником написанный портрет

Прощальный свет московского заката
Струится с необъятной высоты.
Сиреневые сумерки Арбата...
И ты, мой «гений чистой красоты»!

Колымская осень

Шиповник созрел, отзвенели покосы,
Сиреневый цвет расплескал иван-чай;
Подкралась неслышно колымская осень
И грусть разбудила во мне невзначай...

Вдали голубичник алеет в низинке,
Листочки-огни зажигая свои.
Вдруг капля дождя, как чужая слезинка,
Щеку обожгла откровеньем своим.

Как малый ребёнок, опухший спросонок,
Под веткою стланика, ну и дела,
Нахальный и рыжий, последний маслёнок
Стоит на пригорке, в чём мать родила.

Моё настроенье природе созвучно:
Душа нараспашку, блажен, как в раю..
Бывает мне грустно, но только не скучно
В моем незабвенном колымском краю.

Полёт паутинок серебряных нитей
Мне в жизни своей наблюдать не внове.
Как памятный отблеск прошедших событий,
Блестят эти нити в моей голове...

Берёза

Барвар взял в руки заточенный ножик.
От ужаса дерево вздрогнуло даже.
На розовой нежной берёзовой коже
Он вырезал женское имя Наташа.

Берёзовый сок – может кровь, может слёзы –
Залил злую рану его ножевую.
Когда прохожу мимо жалкой берёзы,
Мне стыдно за чью-то жестокость чужую.

Мама

Опять удар пришёлся на меня.
Наверно, я грешил не мало.
На склоне лета в середине дня
Ушла из жизни моя мама.

Воистину – имеем, не храним.
В итоге – потерявши плачем.
И поздно мы себя виним.
Прошедшее не переиначим.

Первый снег

Первый снег летит, шурша, на землю,
Под гусиный крик с ночного неба.
Чуду этому загадочному внемлю –
Может, мне приснилась эта небыль?

Может, мне приснилась эта сказка?
Хлопья снежные кружат, как пух гусиный,
Пролетая над посёлком без опаски,
Гуси-лебеди в ночи кричат тоскливо...

Запрокинув голову, как пьяный,
Я смотрю в бездонные глубины.
Поражает необъятность мирозданья,
Я и Космос в этот миг – едины.

Мне запомнится надолго этот вечер –
Колдовство ночного снегопада...
Лепестками опускается на плечи
Снег – как цвет из призрачного сада.

Реквием отцу

Мне свалилась на плечи беда, как гора,
И в глазах чернота, будто света конец..
Никогда нам не скажет отныне отец:
«Стынет борщ, ребятишки, обедать пора!»

Ты ушёл, не простившись, но всех нас простив,
В мир иной, в никуда, в мир, где вечный покой.
Я бы в Бога поверил, свечу засветив,
Если б утром проснулся, а батя живой..

В горле ком не даёт полной грудью дышать,
А в душе пустоту не заполнить ничем.
И молитвы уже бесполезно читать:
Не вернуть мне отца и за тыщу свечей.

Аэробусы в голос ревут надо мной,
Разрывая над кладбищем небо в клочки,
Тихо плача, поникнув седой головой,
Над могилой стою, протирая очки.

И улыбку твою, и морщинки у глаз
Навсегда в своей памяти я сберегу.
За твою доброту и любовь без прикрас
Я до смерти своей в неоплатном долгу.

Сколько лет пронеслось, не смирился с бедой..
Мне счастливейший сон вдруг приснился вчера,
Как отец говорит нам, такой молодой:
«Стынет борщ, ребятишки, обедать пора!»

Утро

Застыли сосны, словно восковые свечи.
Прохладой дышит ласковый лиман.
Березок белые застенчивые плечи
Окутал газовой косынкою туман.

Седые сумерки в чащобу уползают.
Журчит о чём-то полуночная река.
Мерцают, звёзды голубые угасают
И нежным светом розовеют облака.

Рассвет вспорол рубиновым кинжалом
Чуть ниже горизонта край земли.
Звезда-Венера трепетно дрожала
И таяла в космической дали.

Лесное озерцо, волшебное оконце,
Заштормилось туманной тишиной.
Багровый эллипс сплющенного солнца
Всплывает над притихшею землёй.

В ладошках-листьях светлые росинки
Вдруг золотом расплавленным зажглись.
И шёлковые струны-паутинки
Летят, звеня, в лазоревую высь.

Сон

Опять ненароком ты вдруг мне приснилась.
Приснилась под утро, красивая очень.
Ты в жизни моей для чего появилась?
А в гости приходишь ко мне только ночью.

Тебя заключить я пытаюсь в объятия,
Но ты ускользаешь, а руки, как вата.
Раскинувши крылья, в красивейшем платье,
Ты вдаль от меня улетаешь куда-то.

Ты манишь меня за собой, я послушно
Иду, как привязанный цепью любовной.
А ты улетаешь, красива, воздушна,
И я за тобой устремляюсь покорно.

А утром, проснувшись, я понял в досаде:
Ты так далека, не дотронуться даже.
И как разобраться мне в этой шараде?
Себя не увидел я в этом пейзаже.

Полёт

«Магадан – Синегорье» зовут на посадку.
Пассажиры, садитесь, ремни пристегнуть.
Рёв моторов, разбег, всё идет по порядку.
Оттолкнулись от взлетной бетонки – и в путь.

Я лечу над планетой, комфорту спасибо.
Под гитару поют в самолёте юнцы.
По салону идёт стюардесса красиво
И с улыбкою дарит свои леденцы.

Посмотрел ненароком в окно, что за диво:
Облака – чудо-замки плывут подо мной,
Золотой горизонт изогнулся лениво...
Я не видел такой красоты неземной.

Под крылом, словно льдины, торосятся сопки,
Солнце бьёт по глазам миллиардом свечей.
А дороги в низу – будто узкие тропки,
И река Колыма превратилась в ручей.

Колыма

Колымских просторов морозные ветры
Мне с детства лицо обжигают до слёз.
И трудных дорог не забыть километры
Да жёлтое пламя осенних берёз.

Речушки, озёра, звериные тропки,
Бездонного неба глазурная синь.
За сопками вновь начинаются сопки
Кругом, куда взгляда с вершины не кинь.

Плывут облака, на восток убегая.
Туманится дымкою сизая даль.
И даже когда на курорт улетаю,
С тобой, Колыма, расставаться мне жаль.

Струятся куда-то таёжные реки,
Дорожные трассы к посёлкам бегут.
Тебя, Колыма, полюбил я навеки
И эту любовь навсегда сберегу.

Не уходи

Не уходи любовь моя, не уходи,
Не покидай, прошу тебя, не надо.
Твой добрый взгляд, мне лучшая награда
Не уходи любовь моя, не уходи!

Снега растают, выльются дожди.
Любовь, молю, не покидай так рано,
Пронзит уход меня смертельной раной.
Не уходи, любовь моя, не уходи!

Мне эту рану ты не бери.
Замолкнут музыки чарующие звуки.
В глухой тоске не выдержу разлуки –
Не уходи, любовь моя, не уходи!

Лишь пустота и горечь впереди.
Погаснет солнце, обесцветятся все краски,
Исчезнут волшебство стиха и сказки.
Не уходи, любовь моя, не уходи!

Ты на меня с укором не гляди.
Мне остаётся – сердце обнажить,
К твоим ногам его покорно положить...
Не уходи, любовь моя, не уходи!

Прощание с осенью

Осень вернулась в багряных закатах,
Золотом листья летят по ветру,
Звон серебра на речных перекатах,
Иней на ветках рябин поутру.

Грусть увяданья повсюду застыла,
Синью наполнилась чаша небес.
Осень берёзкам стволы побелила,
Мокрым туманом окутала лес.

Крик лебедей, пролетающих мимо,
Эхом в душе отозвался моей...
Сколько нам дарит мгновений счастливых
Осень колымская данью своей!

Воздух пропитан смолистым настоем,
Дымкой подёрнулась сизая даль,
Всё наполняется сонным покоем...
Мне расставаться с осенью жаль.

Расставание

Часы стремительно секундами бегут.
Мне в этот день в твои глаза не наглядеться.
И вот осталось несколько минут,
И от разлуки никуда не деться.

Меж нами запотевшее стекло
Напрасно плачет пресными слезами.
Как быстро наше время истекло,
А главного друг другу не сказали.

Быть может, вижу я тебя последний раз.
Но, боже мой, как время быстротечно.
Не отрываю от тебя печальных глаз.
Хочу запечатлеть тебя навечно.

Собака

Мою собаку отравил сосед:
Весёлым лаем жить ему мешала.
Душа его, наверно, обнищала,
А мне седин добавилось и бед.

Она была любимицей в семье,
Красивая была и с добрым нравом.
Ребята с ней играли во дворе,
А он зачем-то угостил отравой.

Когда в отъезде был, она скучала.
А как вернёшься – даже не зови.
С каким восторгом бешеным встречала,
Визжа от счастья, лая от любви.

Прижав к груди своей поближе,
Тебя, собака, крепко обнимал,
И как любовницу, бесстыже
Твою собачью морду целовал.

А вечером лежала возле ног.
По телевизору Дог-шоу показали –
Ты с интересом наблюдала то кино
Всё понимающими карими глазами.

Я шёл по улице, не видя ничего.
Знакомого случайно повстречал.
Меня спросил он: «Не случилось ли чего?»
Ему о собственной беде я рассказал.

А он мне вдруг с усмешкою сказал:
«Ну, ты даёшь, ну ты чудишь, однако.
Что можно убиваться по скотине, я не знал.
Что горевать, ведь это же собака».

Как объяснить ему, душевному слепцу,
Что не собаку потерял, а друга.
Я не прощу убийства подлецу.
Мне сердце запуржила злая вьюга.

Талая

На курорте Талая
Мне жена усталая
Говорила: «Не гуляй,
Честь блюди свою».
Отвечал жене поспешно:
«Так я её сблodu, конечно,
Пролечусь весь срок безгрешно
И любовь к тебе, конечно,
В сердце затаю».

На курорте Талая
Увидал немало я.
Девоч столько,
Что проходу не дают.
Женщины здесь лечатся,
Мужики калечатся,
Тут от баб не спрячешься –
Всё равно найдут.

На курорте Талая
Прочитал немало я
Книг про секс и про любовь.
И вскипела кровь!
Женщинами связан,
Я опять развязан,
И к внебрачным тайным связям
Я вернулся вновь.

На курорте Талая
Мне особа шалая
Подмигнула, соблазняя,

Ну, пропал, хоть плачь...
Взглядом ласковым согрела
И путёвка вмиг сгорела,
Потому что мне сказали:
Это главный врач.

На курорте Талая,
Никого не балуя,
Веком дёргает главврач –
Явно нервный тик.
Всех больных послала к чёрту,
Окружив меня комфортом,
Пережала мне аорту,
Исказив свой лик.

На курорте Талая
Увидал в спортзале я,
Как женщины могучие
Укрощают плоть:
Прыгают по коврикам,
Говорят: еробика...
Да им с такими мышцами
Чурбаки колоть!

На курорте Талая,
Баттерфляем плавая,
Подплыла ко мне русалка –
Чую, быть беде.
Мне кричит она: «Здорово!
Вижу, ты в бассейне новый.
Ты больной или здоровый?»
Я такой морской коровы
Не видал нигде.

– На курорте Талая
Очень исхудала я, –
Плакалась девица
Весом в сто кило.
– Кормят здесь отвратно, плохо,
Как олень, питаюсь мохом,
Скоро с голоду подохну,
Сидя за столом.

До курорта Талая
В двери не влезала я,
Очень обожала я
Сало есть и кекс.
Но диетолог мне велела
Флиртом заниматься смело,
Попою вертеть умело,
Да активный секс.

На курорте Талая,
Очень мало спала я,
По ночам искала я
Принца по крови.
Но попадались мне шофёры
Да чумазные шахтёры...
И ревела я коровой,
Чёрт меня дери.

На курорте Талая
От любви пропала я,
Мужиков достала я
Смелым декольте!
Грудь моя – девятый номер,
Кто б узрел – от счастья помер,

Кобели стучатся в номер,
Хочут тет на тет...

На курорте Талая
От смущенья алая,
Хочет дева старая
Девственность продать.
Я смущён, конечно, тоже,
Говорю ей, так негоже,
Если б ты была моложе,
Я б тогда еще, быть может,
Честь твою девичью
Даром смог бы взять.

На курорте Талая
Женщина беспалая
Отдалась отчаянно.
Ну, от бесплодия лечил.
Мочи нету, право, братцы.
Ох, скорей домой добратся
И с женою отоспаться.
Нету больше сил.

Из курорта Талая
Уезжал усталый я –
Слава богу,
Вот и кончился кошмар.
Женщины в тоске, в печали
Вслед автобусу кричали:
– Да на кого ж ты нас покинул,
Вальдэмаааар!

Бессонница

Годы прошли и уже седина
Изморозью серебрится.
Даже весной не растает она,
А мне почему-то ночами не спится.

Я вспоминаю твой ласковый взгляд.
Звёзды в глазах твоих небо качали.
Сколько в них было любви и печали,
Радостных встреч и ненужных утрат...

Ты, не скупясь, молодого вина
В чашу любви до краев наливала,
Нежное сердце своё отдавала...
А я расплескал эту чашу до дна.

Долго мне тяжесть вины той нести.
Нет, не забуду тот памятный вечер.
Как горько, сугуля потерянно плечи,
Лишь вымолвить смог: если можешь, прости.

Вот почему мне не спится в ночи
И постоянно тебя не хватает.
Да, седина никогда не растает.
И ты не услышишь – кричи, не кричи...

Югославия

На Балканах опять война,
НАТО рвется в кровавый бой.
Не останешься ты одна –
Югославия, мы с тобой.

Много горя и зла в этом мире большом.
Откажусь от богатства и славы я.
Но желаю всегда всею русской душой
Мирной жизни тебе, Югославия.

И в Европу пришла беда.
Слёзы, кровь и людская боль.
Не останешься ты одна.
Югославия, мы с тобой.

Проклинаем убийц матерей и детей.
Югославам – победы и здравия.
Презираем трусливых вояк всех мастей.
Мирной жизни тебе, Югославия.

Бомбы рвутся, горят дома,
Дети в небо глядят с мольбой.
Не останешься ты одна:
Югославия, мы с тобой.

Силам тьмы и войны не сломить никогда
Нашу правду и дух православия.
И народы России желают всегда
Мирной жизни тебе, Югославия.

Вот опять взорвалась тишина,
И сирены протяжный вой.
Не останешься ты одна.
Югославия, мы с тобой!

Ностальгия

Нам на смену приходят другие,
Но оставлен наш след на земле.
Будем плакать от ностальгии
По далёкой, седой Колыме.

Мы попали сюда все по-разному:
Кто по злой, кто по доброй судьбе,
Но душою и сердцем привязаны
Мы невидимой цепью к тебе.

И порвать эти узы не в силах.
Вечерами, под стрёкот цикад,
Всё пытаемся в фотоархивах
Повернуть наше время назад.

А потом под бутылку сухого
Будет тост за колымских друзей,
И по видуку снова и снова
Улетим в память прожитых дней.

На экране знакомые лица
Улыбаются, шутят, поют...
Продолжают настойчиво сниться –
Колыму позабыть не дают.

А бессонница, вредная дюже,
Не даёт нам заснуть по ночам.
Без морозов и снега мы тужим
И не можем забыть колымчан.

И наверно, не скоро, не скоро
Обретут наши мысли покой.
Вспоминая свой Север суровый,
Мы глаза вытираем тайком.

Нам на смену приходят другие,
Мы прожили не зря на земле.
Плачем ночью от ностальгии
По оставленной Колыме.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Григорий Иоффе «Над планетой лечу я...»</i>	5
--	---

КОЛЬКА

Арест	10
Суслик	11
Поп	12
Подпасок	12
Осень	14
Зима	15
Весна	16
Пожар	17
Отъезд	18
Хабаровск	20
Война	22
Трудовой фронт	24
Мирная жизнь	26
Колыма	28
Путешествие из Хабаровска в Охотск	33
Охотск	38
Жизнь в Охотске	40
Поход за ягодой	46
Герой на неделю	47

И снова в Хабаровск	49
Колыма.....	51
Эпилог	54

КОЛЫМСКИЕ БАЙКИ

Поход	56
Дорога к облакам.....	59
Трагикомедия на озере	64
Сенокос	68
Finita la commedia!.....	69

ЗНАМЕНИТЫЕ ЯГОДНИНЦЫ

Евгения Соломоновна Гинзбург (1904–1977)	72
Пётр Зигмундович Демант (1918–2006)	73
Варлам Тихонович Шаламов (1907–1982)	76
Галина Геннадиевна Остапенко (Чемоданова) (1908–1971).....	78
Семён Ефимович Лившиц (1924–2010).....	80
Валентин Валентинович Португалов (1913–1969) .	82
Ольга Николаевна Гуссаковская (1932–2007).....	84
Валентин Константинович Черных (1935–2012)..	85
Наталья Евгеньевна Хабарова (1936–2013)	86
Владимир Григорьевич Эрвайс (1928 –2010).....	88
Александр Николаевич Умяров (род. 1949)	90
Юрий Юлианович Шевчук (род. в 1957 году в Ягодном)	92
Диана Сергеевна Арбенина (род. 1974)	93
Игорь Яковлевич Высоцкий (род. 1953).....	95
Иван Александрович Паникаров (род. 1955)	97

АРМЕЙСКИЕ БАЙКИ

Зелёная лысина	100
Галеты.....	101
Водолаз.....	102
Половинка.....	103
Барановский	107

СТИХОТВОРЕНИЯ

Миниатюры	110
Тальская весна	112
Купавна	113
Алатау.....	115
Арбат	116
Колымская осень	117
Берёза	118
Мама	119
Первый снег	120
Реквием отцу	121
Утро.....	122
Сон	123
Полёт	124
Колыма.....	125
Не уходи.....	126
Прощание с осенью	127
Расставание	128
Собака	129
Талая.....	131
Бессонница	135

Югославия.....	136
Ностальгия	138

Чеховских Владимир Николаевич

**ВСЯ ЖИЗНЬ,
КАК НА ЛАДОНИ**

На обложке: Колыма, посёлок Ягодное.
Фото Владимира Чеховских

Редактор *Г. Иоффе*
Корректор *И. Григорьев*
Оформление и компьютерная вёрстка *А. Портнов*

Подписано в печать 20.07.2020 Формат 84×108 1/32.

Гарнитура Journal.

Бумага офсетная. Тираж 100 экз. Заказ № 287.

Издательство «Петербург — XXI век»
198095, СПб., пл. Стачек, 4 ДК им. А.М. Горького.

Тел.: (812) 498-50-01.

Email: ioffe@yandex.ru

www.peterburg21vek.ru

ООО «Контраст»

192029, СПб., пр. Обуховской обороны, д. 38

Тел./факс (812) 677-31-19